Акад. В. М. БЕХТЕРЕВ.

ПСИХОЛОГИЯ, РЕФЛЕКСОЛОГИЯ И МАРКСИЗМ.

ЛЕНИНГРАД
1925.

307
46

Ленинградский Гублит № 11.381. Тираж 1.100 экз.
Типография Ин-та по изучению Мозга, ул. Плеханова, 35.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Как известно, истина лучше всего выявляется при столкновении мнений. Руководясь этим и не будучи любителем научного спора, я в данном случае вынужден остановиться на тех разноречиях, которые возникли за последнее время по столь важному вопросу, как метод исследования личности. Должен ли этот метод быть суб'ективным, какого держатся до сих пор еще психологи, или же он должен быть строго об'ективным, каким признает его новая научная дисциплина, названная мною рефлексологией, — вот вопрос, который не может быть оставлен без ответа.

Важность этого вопроса вытекает из того, что в зависимости от его разрешения в ту или другую сторону стоит и соответственное развитие целого ряда наук, касающихся проявления личности человека и называемых некоторыми до сих пор еще нормативными науками, как этика, эстетика и др., не говоря о целом ряде наук общественных и даже таких биологических знаний, как зоо и био-психология. Должны ли и эти области знаний пользоваться впредь суб'ективным методом или же, как я полагаю вместе с другими защитниками об'ективизма в науке, одним лишь строго об'ективным методом,—зависит в конце концов от решения коренного вопроса, т. е. от окончательного установления, будет ли личность человека впредь подлежать исследованию методом суб'ективным, известным под названием метода самонаблюдения, причем задачей науки о личности будет распознавание процессов,

происходящих в сознании другого лица (так наз. переживания) или же, отбросив интроспекцию, мы обратимся к исследованию соотношения человека с окружающей социальной и материальной средой в связи с его биологической природой, явившейся в результате наследования им его физической конституции.

Ясное дело, что устранение суб'ективного подхода к изучению человеческой личности и изучение ее по строго об'ективному методу путем изучения ответных реакций или рефлексов на внешние и внутренние раздражители текущего и прошлого времени должно привести к совершенному торжеству эволюционного принципа во всех так наз. нормативных науках и соответственному преобразованию общественных наук.

Необходимость отстаивать важность строго об'ективного метода в изучении человеческой личности и вынуждает меня выпустить настоящую книжку, в которой попутно раз'ясняются и те разноречия, которые возникли среди лиц, держащихся такого же об'ективного метода в области изучения поведения животных и человека.

6 мая 1925 г. *В. Бехтерев.*

Об'ективное изучение человеческой личности, названное мною рефлексологией, как учение совершенно новое, вполне естественно встречает оппозицию с разных сторон, а именно со стороны отдельных физиологов, в особенности же со стороны психологов старой школы и со стороны некоторых из тех авторов, которые, будучи психологами, примыкают к марксизму.

В возражениях, которые ей делаются, необходимо поэтому разобраться. Меньше всего я остановлюсь на возражениях физиологов, — тем более, что рефлексология во многих из своих положений находит опору в физиологических исследованиях. Тем не менее не следует смешивать рефлексологию с физиологией, как допускают некоторые, не разбираясь в том, что является задачей физиологии и что является задачей рефлексологии. Физиология до сих пор была и есть наука о функциях или отправлениях органов тела и в том числе мозга, тогда как рефлексология, в частности рефлексология человека, есть научная дисциплина, ставящая своей задачей изучение ответных реакций в связи с внешними и внутренними раздражителями и вообще всех соотношений с окружающим миром человеческой личности, как био-социального существа, напр. его действий и поступков, поведения вообще, устной и письменной речи, мимико-соматических состояний, наследственно-органических рефлексов или инстинктов и простых рефлексов). Таким образом в ее задачи входит выяснение роли внешних (со стороны окружающей среды) и внутренних (со стороны соматической сферы) стимулов-раздражителей, обусловливающих разнообразные проявления личности в окружающем мире. Г. Челпанов в своей последней книжке: „Об'ектив-

ная психология в России и Америке" (1925 г. стр. 33) так определяет различие между рефлексологией и физиологией мозговой коры, которой занимается школа И. Павлова: „Если рефлексология Бехтерева имеет по преимуществу психо-физиологический характер, то учение об условных рефлексах Павлова больше приближается к чистой физиологии. Если Бехтерев хочет сделать психологию об'ективной, то Павлов хочет изучение высшей нервной деятельности сделать об'ективным". Может быть в силу этого школа Павлова не приемлет для своих исследований и названия рефлексологии, сделавшегося однако ныне уже установившимся и в тоже время крайне популярным.

С проф. И. Павловым мне пришлось однако разойтись по вопросу о первоначальном подходе к строго об'ективному исследованию высших проявлений нервной деятельности. Дело в том, что И. Павлов в предисловии к своей книге „20-летний опыт об'ективного изучения высшей нервной деятельности животных" заявил о том, что „честь первого по времени выступления на новый путь (т. е. путь об'ективного исследования высшей нервной деятельности животных) должна быть предоставлена Edvard'y Thorndike, который на 2—3 года предупредил наши (т. е. Павлова) опыты и книга которого должна быть признана классической как по смелому взгляду на всю предстоящую грандиозную задачу, так и по точности полученных результатов". Затем И. П. Павлов несколькими строками ниже замечает: „В Европе к нашим работам спустя несколько лет после их начала примкнули Бехтерев с его учениками у нас и Калишер в Германии". „Бехтерев новые рефлексы, надстраивающиеся над прирожденными вместо нашего прилагательного „условные" обозначил словом „сочетательные", а Калишер весь метод назвал „методом дрессировки". При этом он сопроводил эти слова подстрочным примечанием к первой фразе: „Претензия того и другого на какой то приоритет в этом роде

исследования для всех сколько нибудь знакомых с предметом, конечно, совершенно эфемерна".

По поводу этих слов я уже в вып. 1 „Об'ективной психологии" 1925 высказал насколько они не соответствуют действительности по отношению ко мне. Не придавая особого значения вопросам приоритета в науке, все же по поводу излишней претенциозности И. Павлова в этом отношении нахожу себя вынужденным заявить в виду вышеуказанного замечания, что с моей стороны никаких претензий на приоритет по отношению к роду исследований И. Павлова нигде не заявлялось (я понимаю здесь его исследования по искусственно вызываемым условным рефлексам у животных на слюноотделение). Но его претензия на приоритет в отношении об'ективного исследования высших нервных процессов вообще и человека в частности не может быть оправдана не только при сопоставлении его заявления с данными американской литературы (Thorndicke и др.), но и русской. Необходимость об'ективного изучения человеческой личности мною заявлялась еще на V Пироговском С'езде, имевшем место в Ленинграде в конце 1893 г. (см. в трудах этого с'езда прения по докладу о травматических неврозах и психозах, ранее изучавшихся исключительно по суб'ективному методу) с определенным указанием мною об'ективных признаков этих состояний. (См. также мою работу об об'ективных признаках общих нервов. Обозр. Психиатр. 1896, 1900 и 1909).

Затем в 1896 г. мною была уже определенно высказана гипотеза контакта невронов и гипотеза разрядов (Обозр. психиатр. № 1 1896 и Neur. Centr. за тот же год), послужившая анатомофизиологическим обоснованием энергетической точки зрения, проводимой мною в рефлексологии.

Вслед затем мною были опубликованы работы с выяснением особых рефлекторных явлений, как об'ективных признаков травматических неврозов, истери-

ческих явлениях и внушении в гипнозе (см. мои работы: „Об об'ективных признаках общих неврозов и истерики Обозр. психиатр." 1897, „Об об'ективных симптомах местной гиперэстезии" Neur. Centr. № 5 1900 и Обозр. психиатрии, „Об об'ективных признаках при травматических неврозах" Neur. Centr. и Обозр. психиатр. 1900, „Об об'ективных признаках внушенных в гипнозе расстройств чувствительности", „Обозр. психиатр." 1902 г. и др. позднейшие). Что касается метода дрессировки, то у собак он мною был использован еще в половине 80-х годов для выяснения локализации двигательного сочетательного рефлекса, как заученного движения, в двигательной области мозговой коры (см. мою работу „Физиология двигательной области мозговой коры" Арх. психиатр. 1886—87). Далее начиная, со второй половины 90-х годов, в моей лаборатории был осуществлен ряд исследований над локализацией в коре естественных сочетательных рефлексов, начатых диссерт. работой проф. М. И. Жуковского („О дыхательных центрах мозговой коры"), вышедшей в 1898 г. и доказавшей, что удаление в мозговой коре собак особых дыхательных центров устраняет естественные сочетательные рефлексы на дыхание. О других работах аналогичного характера проф. Никитина, Пуссепа и др. см. в „Общих основах рефлексологии человека" 1923 г. стр. 168.

В заключение замечу, что еще до того времени, когда д-р. Болдыревым был получен на собаке искусственный условный resp. сочетательный рефлекс (см. „Труды общ-ва рус. врача" 1904—1905), мной уже был создан и опубликован общий план об'ективного исследования личности человека в работе „Об'ективная психология и ее предмет" (Вестник психологии и отд. изд. 1904), переведенной позднее и на франц. яз. (Revue Scientifique 1906). Работа эта и послужила первоосновой создания того научного направления в изучении человека *), которое названо было мною перво-

*) Первый выпуск большого моего сочинения „Об'ективная психология" появился в печати уже в 1907 г.

начально об'ективной психологией впоследствии рефлексологией человека *). О других работах, относящихся к тому же предмету здесь не упоминается; список их можно найти в моей книге „Общие основы рефлексологии". Госизд. 1923.

Для строго об'ективного или рефлексологического изучения человеческой личности мне пришлось в сотрудничестве с своими учениками разработать и новый для того времени и вовсе неприменявшийся в то время в лаборатории И. Павлова метод исследования двигательных сочегательных рефлексов с электрическим основным раздражителем, разработка которого представлялась необходимой потому, что применявшийся в лаборатории И. Павлова метод исследования слюнных условных рефлексов, требующий операции выведения слюнных протоков наружу, не мог быть применяем на человеке.

В заключение скажу, что область исследования И. Павлова „Об'ективное изучение высшей нервной деятельности животных", есть строго физиологическая область, моя же область есть область рефлексологии или „об'ективно-биологического исследования личности человека, как био-социального существа" **). Мы разграничены, таким образом, с И. Павловым различными об'ектами исследования, ибо не одно и тоже об'ективно исследовать высшие нервные отправления животных (для более низших из них такие исследования велись даже и много ранее Edward'a L. Thorndik'a) и об'ективно исследовать личность человека, где суб'ективный метод всегда признавался и до сих пор большинством авторов

*) Выше мы уже говорили, что наименование рефлексологии не приемлют авторы, выходящих из Павловской лаборатории исследований, которые самим И. Павловым, как и представителями этой школы, обозначаются „исследованиями высшей нервной деятельности животных".

**) См. мой доклад в научных собраниях врачей клиники душ. и нервн. бол. 1907 г., см. также дисс. д-р. Протопопова и Молоткова (из моей лаборатории) и др.

признается неизбежным, а субъективное толкование явлений—неотъемлемым правом исследователя. К тому же человек, как био-социальное существо, в своих высших проявлениях должен быть изучаем не физиологически только, но и био-социологически, что и входит в прямую задачу рефлексологии человека.

Что между тем и другим изучением имеется не несущественная разница наглядно показывает пример. Изучая отправления мозга вообще и той или другой его области в частности, физиология, занимаясь животными, не имеет надобности выяснять напр. влияние социального фактора на поведение, тогда как для рефлексологии это является одной из главных задач, подлежащих ее разрешению. Также и биология, занятая животным миром, не могла до сих пор учитывать в должной мере социального фактора, приобретающего в жизни человека исключительно важное значение. В силу этого рефлексолог мог бы изучать хотя бы и не в достаточной полноте соотношения между внешними и внутренними раздражителями прошлыми и настоящими с одной стороны и внешними проявлениями личности с другой, даже в том случае, когда оставалась бы неизвестной та область мозга, которая заведует этими внешними проявлениями, как в свое время изучались напр. афазия и сопутствующие ей параличи движения без знания функции определенных частей мозговой коры в отношении речи и движения.

Тем не менее между рефлексологией и физиологией имеется столь тесное взаимоотношение, что казалось бы не было места и возражениям, направленным на рефлексологию со стороны физиологов. Если же они делались, то почва для них оказалась ничуть не физиологическая, а рефлексологический подход к социальному миру, в котором живет и действует человек и из которого возникают раздражители, побуждающие его к деятельности. В этом смысле моя „Коллективная рефлексология" подверглась критике (в „Экономисте") со сто-

роны физиолога проф. Зеленого, который сам, более чем неудачно, выступал в области физиологического подхода к об'яснению социальных явлений *). Не входя в подробности его полемических выпадов, относящихся между прочим к некоторым из признаваемых мною общемировых законов, я хотел бы очертить лишь двумя штрихами приемы его критики с одной стороны и его знакомство с трактуемым предметом с другой. Для характеристики первого достаточно указать, что, касаясь закона тяготения, он не считал нужным указать, что я говорю: 1) о взаимном притяжении небесных и вообще физических тел (закон Ньютона), 2) о биологическом тяготении (явления таксиса и др.) и 3) о социально-экономическом тяготении масс к центрам, обобщая их в один общий принцип или закон тяготения, конечно ничуть не подводя вторую и третью форму тяготения под Ньютоновский закон притяжения небесных тел. Это, между прочим, совершенно ясно мною выражено словами: „тяготение в биологическом смысле следует понимать шире чисто механического тяготения **), ибо всякое неизбежное сотрудничество и симбиоз являются особыми видами биологического тяготения" (Коллективная Рефлексология, стр. 241). Там же я определяю и социальное тяготение не в смысле, конечно, „механического" или Ньютоновского тяготения: „так или иначе, говорю я, но животный мир немыслимо представить себе без сотрудничества и взаимопомощи, а это и обусловливает собою явления взаимного тяготения индивидов друг к другу". Поэтому, когда Зеленый говорит о возврате в этом вопросе к прошлым векам, то это является его своеобразным полемическим выпадом, ничуть не более.

Для характеристики же знакомства его с литературой предмета достаточно сказать, что в своих

*) Ellwood. Objectivisme in Sociology. The Amer Journal of Sociology, t. XXII.

**) Т-е. тяготения физических тел, установленного Ньютоном

рассуждениях по поводу закона относительности Зеленый обнаружил свое собственное незнание, ибо ему очевидно осталось неизвестным, что психо-физический закон Weber-Fechner'a уже Wundt'ом был разъяснен и рассматривался, как закон относительности. Нет надобности говорить, что явления относительности принимались во внимание и в других областях знания. Поэтому гениальное исследование Эйнштейна в сущности не обозначало открытие какого-либо неизвестного доселе закона в природе, а лишь сделало этот известный в других проявлениях природы закон на основании новых полученных им данных в области астрономии [illegible] всеобщим мировым принципом. Отсюда ясно, что [illegible] Зеленого основаны не фантастично уже, а [illegible] данных донаучного периода изучения [illegible] личности, закончившегося установлением закона Вебера в 30-х годах прошлого столетия.

Этих примеров достаточно, чтобы более не останавливаться на полемических по своей форме выступлениях Зеленого. Можно догадываться, что в его заявлениях содержится еще и другая подоплека. И не содержится ли она в том, что без достаточной осмотрительности я процитировал в своей „Коллективной рефлексологии" (стр. 48) ядовитую реплику социолога Ellwood'a на выступление Зеленого в области социологии, — реплику, в которой этот автор признал метод Зеленого годным, быть может, „для крысы или общества крыс", а не для общества культурных людей?

Психологический подход к изучению личности, какими бы об'ективными методами он не прикрывался, несомненно испытывает в настоящее время жестокий кризис, как признают это и сами психологи. Для подтверждения сказанного цитирую слова психолога проф. М. Басова (Просвещение № 2 стр. 48, 1924 г.): „настоящее состояние психологии есть состояние кризиса. Этот кризис возник от того, что психология отстала в своем развитии и не отвечает новым

требованиям к ней пред'являемым. Ближайшее будущее должно ознаменоваться интенсивнейшим творчеством в этой области знания, которое изменит коренным образом лицо ее".

Вот то признание, которое вырвалось у одного из участников Всероссийского с'езда по педологии, экспериментальной педагогике и психо-неврологии, собранного по инициативе Государственной Психо-Неврологической Академии с 3 по 10 января 1924 г. в Ленинграде. И это признание психолога, усердно и безоговорочно ломавшего копья на упомянутом с'езде за „отсталую" и „неотвечающую" требованиям настоящего времени психологию, представляется особенно знаменательным. Оно, без сомнения, явилось результатом борьбы на с'езде двух течений в изучении личности—старого суб'ективного, часто прикрывавшегося об'ективными приемами, направленными однако на выявление суб'ективной стороны личности и в ней видящего основную задачу своего изучения, и другого строго об'ективного или рефлексологического, полагающего основу изучения личности в об'ективных ее реакциях или рефлексах в связи с текущими и прошлыми внутренними (соматическими) и внешними раздражителями физико-биологического и в особенности социального характера, а равно и в связи с наследственно органическими факторами биологического или, вернее, социо-биологического порядка.

Вышеуказанное признание, конечно, говорит само за себя, но автор неправильно освещает предмет, заявляя, что рефлексологическое течение на с'езде было нападающей стороной, а старое психологическое обороняющейся стороной. Как раз наоборот. Рефлексология на с'езде в большинстве была представлена рядом докладов, сделанных молодыми, иногда даже начинающими учеными. Ведь и самая рефлексология человека наука еще молодая, хотя и быстро двигающаяся вперед. И конечно никто из молодых и начинающих ученых и не думал нападать на старых умудренных опытом

ревнителей старой „суб'ективной" психологии, а просто молодые рефлексологи выявляли в своем докладе то, что каждый сделал, подходя к изучению личности с об'ективным или рефлексологическим методом исследования.

Но само собою разумеется, что умудренные долгим опытом деятели по психологии во всеоружии своего суб'ективизма нападали на каждого, кто осмеливался работать не по шаблонным методам старой психологической школы, не порвавшей еще окончательно с метафизикой. И посмотрите, однако, какой получился результат этих скромных, частью еще незаконченных, рефлексологических докладов *). Тот же М. Басов, говоря о кризисе современной психологии, о котором надо заметить до упомянутого с'езда ни М. Басов, ни другие психологи что то и не заикались, как мы видели в вышеприведенной цитате, стал говорить о коренном преобразовании лица психологии путем интенсивнейшего творчества в этой области, и в каком же направлении? а вот в каком: „полная ликвидация былой связи с метафизикой, окончательное осознание себя в качестве одной из естественно-научных дисциплин, культура об'ективных

*) Из числа последних я, между прочим, исключаю доклад Е. З Строгой, которая, хотя и заявила при его чтении на С'езде, что работала по моему предложению, но не удосужилась упомянуть, что работа ее не рефлексологического, а исключительно генетического характера, вследствие чего она и проведена по употребительному в этой науке анкетному методу и, что главное, она была доложена на с'езде без предварительного ознакомления меня с результатами во время ведения самой работы, а так же и пред с'ездом с ее содержанием, о чем мною и было заявлено на том же с'езде во время прений, хотя и по другому докладу (Тимофеевского), ибо на самом докладе Е. З. Строгой я присутствовать не мог. Но какова придирчивость гг. психологов-суб'ективистов, которые, не ориентировавшись в предмете ее доклада, сочли его за продукт рефлексологии, каковым он никогда вообще не был и не мог быть по самому существу своего задания, да и сам автор по своим работам никакого отношения к рефлексологии никогда не имел и не имеет, а считался сотрудником, работающим по генетике

методов исследования на основе понимания личности, как единого биосоциального организма, живущего единою жизнью, наконец, более тесная связь с социальною жизнью и ее практическими запросами, вот то существенно необходимое, что предстоит пережить психологии в ближайший период ее развития для того, чтобы выйти из настоящего кризиса".

Всякий, следивший за развитием рефлексологии, невольно сделает жест удивления. Почему это заявлено только теперь и о чем в сущности может быть спор? Ведь это и есть по существу рефлексология, которая в изучении личности порывает окончательно с метафизикой, являясь биосоциальной научной дисциплиной, пользующейся исключительно об'ективными методами исследования личности, понимаемой, как биосоциальное существо, явившееся в результате наследственных биологических условий и условий окружающей социальной и материальной среды. К тому же автор, продолжая рисовать преобразованную будущую психологию, говорит, что блестящие успехи современной физиологии, положившие основание учению об условных рефлексах (наша школа именует их сочетательными) несомненно чрезвычайно благотворно отразятся на развитии психологии, давая ей новый метод для изучения элементарных проявлений личности (только элементарных ли?) и об'яснительный принцип для понимания многих сложных проявлений.

Словом как будто бы остается для прежней коренным образом преобразуемой в будущем психологии, на место введенного мною более соответствующего естествознанию названия рефлексологии, сохранить только старое обозначение исихологии. И это, очевидно, потому, что автор за вышеуказанной цитатой, повидимому, скрывает, что центром и основной задачей исследования в этом случае надо все же поставить с его точки зрения психику т. е. внутренний или суб'ек-

тивный мир человека, а не рассматривать его, как об'екта — деятеля, явившегося плодом био-физико-социальных условий, как то полагает рефлексология. Между тем в этом и заключается сущность вопроса, ибо, как бы не преобразовалась современная психология, как бы она не гримировалась под марксизм (а таких перегримировок в настоящее время и не перечесть), но, пока человек ею рассматривается, как суб'ект, пока центром ее внимания в человеческой личности является сознание, а не внешние реакции, мы не избегнем суб'ективных толкований с метафизическим налетом (воля, внимание и пр.) всех его проявлений. Только тогда, когда мы рассматриваем человека, как действующего об'екта или как живую машину, мы имеем возможность говорить об об'ективном отношении к делу, выявляя био-физико-социальную основу развития личности.

Автор, кстати сказать, неправильно истолковывает значение условных или сочетательных рефлексов для психологии, полагая, что это учение о рефлексах может благотворно отразиться на развитии психологии, давая для нея метод изучения элементарных проявлений личности и об'яснительный принцип для понимания многих сложных проявлений личности. Очевидно, дальше физиологической школы автор не пошел, и здесь отчасти может быть он и прав говоря о применении условных рефлексов для изучения элементарных проявлений личности, ибо имевшиеся до сих пор попытки применить физиологию, изучавшую главным образом слюноотделительные рефлексы на животных к об'яснению деятельности человека, как био-социального существа, а тем более общества, оказывались неудачными и встречали часто справедливый отпор со стороны социологов. Автор не хочет или не может признать, что рефлексология в настоящее время, базируясь, как всякая наука, не на эксперименте только, но и на об'ективном наблюдении с

учетом внешних и внутренних раздражителей и вызываемых ими внешних реакций, об'емлет и самые сложные проявления человеческой личности, включая его речь и мимику и тем самым отметает полностью прежнюю суб'ективную психологию; он не хочет или не может признать, что рефлексология, использовывая лишь об'ективные данные, которые были добыты введенным в психологию экспериментом, без всяких к тому же поползновений распознавать этим путем психические процессы и устраняя при этом всякий суб'ективизм в их об'яснении, выработала сверх того уже и собственную экспериментальную методику исследования сочетательных рефлексов и сосредоточения (являющегося по характеру доминантным процессом *) и ставит для себя особые задачи исследовать личность во внешних проявлениях, следовательно, в ее деятельности и в труде.

Если мы примем во внимание, что мысль, не выраженная словами, как и всякое представление, понимается новой научной дисциплиной, как рефлекс с заторможенным внешним выявлением (или субвокальный рефлекс), а передачу суб'ективных переживаний, как словесный отчет, который состоит из словесных рефлексов, как об'ективно данных словесных знаков тех или других предметов, явлений, суб'ективных состояний или их взаимоотношений и который будучи изучаем не с суб'ективной стороны (для распознавания внутренних переживаний), а с чисто об'ективной стороны, в смысле связи этих знаков и согласованности или несогласованности с другими об'ективными проявлениями и адэкватности или неадэкватности их внешним раздражителям и пр., то спрашивается, какие из „сложных проявлений" остается изучать прежней психологии.

Ведь, если бы суб'ективная психология нам сказала, что она обладает особыми методами проникновения в человеческую личность помимо об'ективных

*) См. В Бехтерев „Об'ективная психология" 1912.

2

влений, в виде слов, жестов, мимики и поступков, которые все учитываются рефлексологией наблюдением за реакцией человека в жизни или в эксперименте и при том учитываются в связи с внешними или внутренними воздействиями, тогда оставалось бы место и для прежней психологии в изучении личности. Но пока этого нет, прежняя психология, как бы она в целях своего спасения не хваталась за марксизм, она все же обречена на постепенное отмирание—тем более, что рефлексология не исключает из своего ведения и изучения суб'ективного мира на себе самом, но не иначе, как в связи и под контролем одновременно исследуемых об'ективных данных поведения, а не оторванно от последних, как делала до сих пор суб'ективная психология с ее методом „опосредственного" самонаблюдения.

И все же скажу, что приближение в будущем психологии в устах М. Басова к рефлексологической точке зрения, за исключением последнего положения (кстати сказать и невыявленного автором в цитированной статье) настолько полное, что рефлексологи могут себя поздравить с немалой победой. Особенно это будет справедливо, если мы вспомним, что один из видных представителей психологии А. Нечаев, выступивший на первом пленарном заседании с'езда в речи „Психология, как наука, и ее современное значение" на защиту суб'ективной психологии, выявил ее настоящее лицо, как науки, которая по выражению того же М. Басова „видит свой предмет исключительно в переживании и основным методом которой является интроспекция (самонаблюдение)".

Сказанного вполне достаточно, чтобы уяснить себе, почему рефлексология, как об'ективное знание, втечение около 2-х десятков лет делало и делает усилия к тому, чтобы сбить с незаслуженного пьедестала суб'ективную психологию, т.-е. ту психологию, которая до позднейшего времени держит в тисках суб'ективизма самое ценное в мире знание—учение о челове-

ческой личности. Правда суб'ективисты об'ективного толка, т.-е. психологи, изучающие суб'ективный же мир человека, но путем будто бы об'ективных методов или посредством так наз. „опосредственного" наблюдения, о котором говорил на с'езде А. Нечаев, стали один за другим открещиваться на самом же с'езде от изложенного последним в своей речи, как будто бы он не говорил того, что до сего времени говорится во многих тысячах психологических сочинений и как будто бы он сам не представлял собою испытанного и много поработавшего лица в области суб'ективной психологии.

Что же касается того, еще далеко не завоевавшего общего признания течения в современной психологии, которое по словам М. Басова „на 75%, если не на 90% имеет дело не с суб'ективными переживаниями, в совокупности своей составляющими поведение ее", т.-е. личности, то еще надо бы спросить себя, в какой мере это течение за последнее время не отразило в себе влияние науки о поведении животных и рефлексологии человека, прежде обозначаемой мною „об'ективной психологией" *), ибо последняя, отрекаясь от суб'ективизма, исследует именно условия и механизм поведения человека в тесном смысле, как исследует и речь в об'ективных ее проявлениях (а не как способ высказывания или передачи суб'ективных переживаний) и таким же образом и мимику и сложные органические проявления личности или так называемые инстинкты.

Не будем входить в дальнейшие детали несколько тенденциозного освещения „итогов" бывшего с'езда со стороны М. Басова, но не могу не указать, что М. Басов вспоминает об одном, по его мнению, забавном

*) Работа моя „Об'ективная психология и ее предмет" появилась, как сказано выше, в Вестнике психологии 1904 г. и была заграницей помещена в очень распространенном журнале „Revue scientifique" 1906. Моя „Об'ективная психология" начала выходить в 1907 г. и была переведена, как известно, на немецкий язык под заглавием „Objective psychologie oder Psycho - Reflexologie" (Berlin, Teubner) и на французский язык под заглавием „La psychologie objective" Paris.

и поучительном инциденте на С'езде по поводу доклада, сделанного В. Мясищевым и вспоминает М. Басов опять же с целью защиты своей психологии. Характернее всего однако то, что М. Басов неверно передает этот инцидент и еще более характерно и пожалуй „забавно", что он не уяснил себе сущности этого инцидента.

Когда непримиримость между рефлексологической и психологической точкой зрения обозначилась на с'езде со всей очевидностью, А. Нечаев воспользовался неожиданным образом для реабилитации психологии чисто деловым докладом В. Мясищева, касавшимся совершенно специального предмета о невозможности установить по его опытам корреляцию между некоторыми индивидуальными особенностями в области сочетательных (а не простых, как полагает М. Басов) рефлексов и особенностями тех же лиц в сложных формах психики, вскрываемых обычными экспериментально-психологическими и педагогическими приемами *).

Заявление А. Нечаева сводилось собственно к тому, что он, написав несколько совершенно неотнося-

*) Замечу здесь прежде всего, что доклад В. Мясищева не относился к детям, как ошибочно утверждает М Басов, ибо автор на самом деле никаких детей не изучал Установив на взрослых индивидуальные особенности сочетательных рефлексов, в виде особых типов—возбудимого, торпидного, среднего и др , автор в одной части своей работы коснулся вопроса о корреляции между вышеуказанными типами сочетательных рефлексов и сложными проявлениями личности в экспериментально-психологическом изучении и не пришел на основании своих исследований к положительным данным.

Отметим еще и другое искажение, допущенное М. Басовым в изложении фактического содержания докладов. Так, говоря о работе проф. Л. Васильева, который подобно мне не поддерживает точку зрения И. Павлова, что инстинкт—тот же рефлекс только более сложный цепной. С точки зрения Л. Васильева инстинкты представляют собою, возникающие благодаря действию гормонов, автоматические сложные цепные акты, на которые однако наслаиваются сочетательные рефлексы — взгляд, подтверждающий мою теорию, изложенную в „Общих основах рефлексологии" 1924 г. и лишь развитую им более детально

щихся к докладу В. Мясищева положений, обратился к докладчику с вопросом: будет ли он согласен с этими положениями; когда же докладчик заявил, что он может согласиться с ними только при соответствующих коррективах или оговорках, А. Нечаев сделал заявление, что он торжествует, приветствуя меня и всех лиц, работающих по рефлексологии, ибо единение будто бы достигнуто, так как, признавая особые заслуги за рефлексологией, он просит иметь в виду, что вышеуказанные положения выписаны им из „Основ физиологической психологии“ W. Wundt'a.

Не справившись, какие собственно коррективы докладчик имеет в виду и в чем их содержание (хотя докладчик подчеркнул затем, что в коррективах то все дело) А. Нечаев обратился затем к аудитории с заявлением о своем торжестве, оказавшемся, конечно, мнимым. Ибо расчет в данном случае мог быть сделан только на слишком неподготовленного слушателя, который не в состоянии уяснить себе коренное различие между, скажем, основными положениями „Основ рефлексологии“, устанавливающей необходимость об'ективного изучения личности в связи с текущими и прошлыми внешними и внутренними воздействиями, как раздражителями, без экскурсий в область сознания или чужого „я“ и книгой W. Wundt'a—„Основы физиологической психологии“, где заявляется прежде всего, что психология есть наука о сознании и где целые главы посвящены трактовке вопроса о сознании.

В последующем выступлении на мою долю припришлось заявить решительный протест против отождествления „физиологической психологии“ W.Wundt'a с рефлексологией. При этом случае я не могу не протестовать также и против замечания М. Басова, заявляющего в вышецитированной работе, будто вместе с В. Мясищевым я в общем и целом признал, что он, А. Нечаев, правильно понимает нашу, т.-е. рефлексологическую методологию. Достаточно обратиться к

памяти присутствовавших на заседании членов с'езда и к протоколам его заседаний, чтобы подтвердить неверность этой передачи *).

Неверно также утверждение М. Басова (стр. 48) будто рефлексология предлагает „изучать переживания на себе самом оторванно от всего остального исследования личности". Рефлексология утверждает только, что переживания или суб'ективные процессы могут быть изучаемы не иначе, как на себе самом путем самонаблюдения и притом под непосредственным контролем об'ективных данных поведения и не могут быть изучаемы при посредстве так наз. „опосредственного" самонаблюдения на других ни по методу аналогии, ни по методу вчувствования (Lips'а) ни по методу интуиции (Scheller, Лосский). Стороннее лицо может быть, конечно, самонаблюдающим лицом и может дать отчет о своих суб'ективных переживаниях словами, жестами, мимикой и действиями, давая тем возможность иметь об этих переживаниях наше суждение (а не „посредственное" самонаблюдение сознательных процессов стороннего лица, как утверждают психологи, между самонаблюдением и суждением ведь имеется ненесущественная разница). Но будет ли в этом случае дело идти о суждении вполне точном, в этом позволительно сомневаться, и это тем более, что некоторые из психологов (солипсисты) высказывают даже сомнение в возможности убе-

*) Сущность моих заявлений сводилась приблизительно к тому, что, несмотря на введение W. Wundt'ом физиологических методов исследования в психологию, последней была придана только внешняя форма об'ективного подхода к изучению личности, по существу же его психология осталась по прежнему суб'ективной, имеющей дело с ощущением, восприятием, представлением, волей, вниманием и сознанием. Но придание внешней научности психологии введением физиологических методов, несмотря на известный шаг вперед, могло с другой стороны только затормозить и отдалить установление правильного био-социального подхода к изучению личности строго об'ективными методами.

ждаться в существовании чужого „я“, а принимают его только на веру (А. Введенский, Lips).

Само собою разумеется ни о каком изучении переживаний оторванно от всего остального исследования личности, чем именно грешат многие психологи, в рефлексологии не может быть и речи. В доказательство цитирую следующее место из своей книги „Общие основы рефлексологии“ (Второе издание, стр. 147). „Человек есть деятель, механизм которого является результатом прошлой жизни его предков и результатом его прошлого индивидуального опыта. Сообразно этому и в зависимости от этого он развивает реакции на внешние воздействия того или иного рода в виде разнообразных иногда сложных, иногда более простых, цепеобразно связанных рефлексов, вызываемых не одними только внешними, но и внутренними воздействиями и притом воздействиями не настоящего только, но и прошлого времени. Для рефлексологии таким образом нет ни об'екта, ни суб'екта в человеке, а имеется нечто единое и об'ект, и суб'ект вместе взятые в форме деятеля, причем для стороннего наблюдателя доступна научному изучению только внешняя сторона этого деятеля, характеризующаяся совокупностью разнообразных рефлексов, и она то подлежит прежде всего об'ективному изучению, суб'ективная же сторона, если угодно о ней судить по словесному отчету, должна быть изучаема только в сопоставлении с об'ективными данными и не иначе, как под их контролем“. (См. также „Новое в рефлексологии“, Госиздат. 1925. В. Бехтерев и Г. Шумков „Рефлекс настораживания“).

Ясно, что переживания или суб'ективная сторона личности рефлексологией не изучается оторванно от остального исследования личности, как то утверждает автор вышеприведенной работы, да она и вообще не является основной целью изучения в рефлексологии, а лишь сопоставляется с об'ективными проявлениями

личности. Не обходит молчанием М. Басов и „генетическую рефлексологию", являющуюся новым научным достижением об'ективного био-социального метода в изучении развивающейся личности с первых дней ее жизни.

На с'езде она была представлена моим вступительным докладом совместно с Н. Щелововым в пленарном заседании и затем докладами Н. Щелованова, Н. Фигурина и М. Денисовой, касающимися тех или других частных вопросов генетической рефлексологии. Ослабить ее значение М. Басов старается тем, что сама работа над младенцем будто бы „находится в самом раннем младенчестве и, конечно, это младенчество в квадрате ни создавать основы новой науки, ни потрясать основы старой науки не может". Суть дела ясна. Психология бессильна в изучении младенца по самому своему существу, ибо не может никакими способами раскрывать его суб'ективные переживания, и здесь психологи поневоле центрируют свое внимание на об'ективных реакциях, но все же не отрешаются и здесь от стремления на основании этих об'ективных реакций проникать в суб'ективный мир младенца напр. хотя бы для выяснения первоначального отличия „я" от „не—я". (См. М. Доцголл „Основные проблемы социальной психологии"). Не имея же возможности изучать психическую жизнь младенца или развития его сознания, психология лишена того генетического метода без которого естествознание обойтись не может, ибо познать то или иное явление можно только, уяснив себе его происхождение.

Таким образом суб'ективная психология, изучающая психическую жизнь или внутренние переживания, не может опираться на закон эволюции, а вместе с этим она не может войти и в лоно естествознания, которое рассматривает ныне закон эволюции, как основной закон всей живой и мертвой

природы. Да и самый метод самонаблюдения, являющийся основным в психологии не может быть методом естествознания.

Между тем рефлексология, опирающаяся на об'ективный метод исследования, состоящий в изучении внешних реакций в связи с внутренними и внешними био-социальными раздражителями как текущими, так и прошлыми, подходит к изучению младенца точно также, как и к взрослому об'екту, и здесь она раскрывает полную законосообразность в развитии реакций. т.-е. сочетательно-рефлекторной деятельности младенца. Она выясняет, что раньше и прежде всего у младенца имеются лишь местные реакции с различных органов: с глаза, уха и кожи и общие реакции в форме крика и беспорядочных движений. При этом уже с рождения у младенца имеется основная пищевая доминанта в форме искательных движений губ и сосательного акта, обнаруживающегося во время голодания младенца при прикосновении к углам рта и губам соски или груди или даже пальца при общем торможении и усиливающегося при всяком стороннем раздражении, как имеется и другая прирожденная же самоохранительная доминанта, получающаяся от быстрого смещения тела (влияние на полукружные каналы) и состоящая в раскрытии глаз и в заторможении всех других движений.

Но уже спустя две недели после рождения достаточно младенца взять на руки, придав ему то положение, которое необходимо, чтобы поднести его к груди матери, как у него уже начинают вместе с этим проявляться искательные движения губ. Это уже сочетательный рефлекс, развившийся у младенца впервые на почве обыкновенного рефлекса и получающийся в связи с голоданием. Спустя некоторое время удается уже вызвать и путем искусственного эксперимента сочетательный рефлекс, как это выяснилось работами в педологическом отделении Института по изучению мозга.

Например, производя со времени рождения младенца его кормление по звонковому и световому сигналу (электрический звонок и вспыхивание цветной электрической лампочки), мы получаем те же искательные движения губ на один звонок и вспыхнувшую лампочку.

Имея в виду аналогичные наблюдения, начатые мною еще с половины первого десятка текущего столетия я имел возможность еще в 1912 г. в своей работе *) выставить, как положение, что „сочетательные рефлексы у ребенка развиваются в сущности путем воспроизведения обыкновенных рефлексов, вызванных теми или иными раздражениями других не возбуждающих данного рефлекса воспринимающих органов, но сочетавшихся при многократном совпадении с первоначальными раздражениями (вызывающими обыкновенные рефлексы). Наблюдение показывает, что раньше всего воспроизводятся рефлексы, возникающие под влиянием внутренних раздражений (сосание, плач, улыбка и пр.)". Вот, следовательно, закон, который был формулирован мною на основании об'ективного resp. рефлексологического исследования в младенческом возрасте в первый период существования Педологического Института в Ленинграде, что дало мне возможность уже в 1908 г. сделать доклад в Комитете Педологического Института, а в 1909 г. опубликовать работу под заглавием „Об'ективное исследование нервно-психической сферы в младенческом возрасте" (Вестник Психологии 1909 г.) с применением теории сочетательного рефлекса к поведению ребенка. За этой работой следовали и другие мои работы, относящиеся к развитию ребенка и нервно-психической сферы вообще, обозначенные в перечне в конце книги: „Общие основы рефлексологии". Кроме того мы должны упомянуть здесь и о других работах представителей нашей рефлексологической

*) В. Бехтерев. „Первые шесть месяцев в жизни младенца". Вестник Психологии. 1912 г.

школы—д-ров Шумкова, Лившиц, Бражас, Болдыревой и затем докладчиков на с'езде Н. Щелованова, Н. Фигурина и М. Денисовой, не говоря о работах в этой области других авторов.

Казалось бы использование рефлексологического метода для изучения ребенка в течение более 15 лет целым рядом лиц, опубликовавших свои научные достижения, достаточный срок для того, чтобы иметь право говорить по вопросу „Об основании генетической рефлексологии". Но такова уже традиционная инертность суб'ективной психологии, которая топчется почти на одном и том же месте с своим методом самонаблюдения вот уже втечение многих сотен лет над изучением развивающейся личности человека и притом с крайне малыми результатами его достижений. Отсюда понятно, что для такого знания, как суб'ективная психология, 15 пройденных лет научного труда над об'ективным изучением ребенка кажется все еще работой, находящейся „в раннем младенчестве". А между тем эта работа дала и ряд других научных выводов, которые я здесь приведу, и на основании вышецитированной моей работы, опубликованной в 1912 г. (Первые шесть месяцев в жизни младенца в Вестнике Психологии), и на основании позднейших работ, производимых в Педологическом Ин-те под общим руководством моим и Н. М. Щелованова.

На основании моих многолетних наблюдений, опубликованных в 1912 г. я мог установить, что „воспроизведение сочетательных рефлексов может временно затормозиться под влиянием тех или других внешних и внутренних раздражений, но затем оно вновь проявляется в прежней степени". Этим самым был установлен принцип торможения сочетательных рефлексов в младенческом возрасте, играющий столь важную роль в развитии личности. Дальнейший вывод той же моей работы был формулирован так: „после возникновения сочетательных рефлексов начинается их дифференцирование, причем на составную часть раздражения ре-

флекс начинает воспроизводиться так же, как ранее на целое". Этим положением устанавливался другой важный принцип дифференциации в развитии сочетательных рефлексов и анализ высших раздражителей в полном соответствии с более ранними экспериментальными исследованиями, производившимися в моей лаборатории над сочетательными рефлексами у собаки (д-р Протопопов) и у людей (д-р Молотков) и давшими мне возможность формулировать впервые общий закон дифференциации сочетательных рефлексов в работе, опубликованной еще в 1909 г. *).

Дальнейший принцип развития сочетательных рефлексов в младенческом возрасте был выражен мною в той же работе следующим образом: „Вместе с тем дифференцированные сочетательные рефлексы путем новых сочетаний воспроизводятся при различных внешних раздражениях, имеющих то или иное отношение к основному раздражению, возбуждающему обыкновенный рефлекс, что может быть названо „избирательным обобщением". Этот процесс избирательного обобщения, происходящего наряду с процессом дифференцирования, является одним из важнейших в развитии высших или сочетательных рефлексов **). ибо этим путем в прямой зависимости от условий развивающегося соотношения совершенно различных раздражителей к какому либо основному рефлексогенному раздражителю устанавливается между ними синтетическая связь.

Точно также наряду с предыдущим происходит и дифференцирование ответной части рефлекса, а равно и соответствующее координирование отдельных движений для осуществления цели, как раздражителя, пред-

*) См. мою работу „Значение двигательной сферы для об'ективного изучения нервно-психической деятельности человека" Р. Врач № 32, 35 и 36 1909 г.

**) См. В. Бехтерев, „Об эволюции нервно-психической деятельности" в Русском Враче 1913 г. № 14—15. Вопросы эволюции нервно-психической деятельности и отношение их к педагогике Вест. Психол. 1916.

ставляющее в сущности тоже избирательное обобщение, о котором речь была выше.

В той же работе трактуются и вопросы внутреннего торможения, благодаря чему реакции организма могут воспроизводиться в то именно время, когда возникнут к тому соответствующие внутренние стимулы, являющиеся важнейшими руководителями внешних реакций вообще и обусловливающие возникновение рефлексов по личным или внутренним потребностям (т. наз. личные рефлексы). Отсюда ясно, что еще около $1^1/_2$ десятка лет тому назад на основании эмпирических наблюдений были формулированы определенные основные положения относительно развития реакций младенца с помощью рефлексологического метода, чего за долгий срок своего существования не могла достигнуть суб'ективная психология. Ныне на основании целого ряда рефлексологических исследований в младенческом возрасте является возможность точно установить шаг за шагом этапы нормального развития зарождающейся личности или личности будущего и ее индивидуальные особенности, насколько они выявляются, благодаря различной конституции, еще в младенчестве, что имеет огромное практическое значение в диагностических целях и чего не могла и не может дать суб'ективная психология. Нечего говорить, что такими исследованиями намечается и путь к профилактике и целесообразному воспитанию личности еще в младенческом периоде ее развития. (См. В. Бехтерев „о воспитании в младенческом возрасте").

Наконец по поводу сетования М. Басова на то, что работа 3-й секции с'езда будто бы не нашла соответствующего выражения в принятых на с'езде резолюциях, остается пожалеть прежде всего о самом авторе, который, состоя в президиуме с'езда, не нашел возможным по тем или иным основаниям внести на с'езд резолюции, которые ближе отвечали бы его взглядам. Но ведь психология с точки зрения самого же автора должна

быть коренным образом перестроена в будущем и может быть автор не без основания подождал делать свои предложения на с'езде, ибо надо еще на опыте проверить и убедиться, как будет перестроена психология в будущем, что из этого выйдет и как в ней отразятся основные взгляды суб'ективистов, за которые они так крепко держатся. Возможно, что она будет, по просту говоря, приспособляться к марксистскому пониманию социальных отношений, как она в свое время приспособлялась с одной стороны к богословским учениям о душе, а с другой к метафизике. Однако, как не обхаживай растение с гнилым корнем, оно все же не окажется жизнеспособным и в тот или другой период времени окончательно зачахнет.

Обратимся теперь к другим оппонентам. Я имею здесь в виду собственно недавно вышедшую брошюру О.-Франкфурта (Рефлексология и Марксизм 1924), в которой автор оттеняет положительные стороны рефлексологии с точки зрения марксистского учения и делает выпады по поводу моих „энергетических" воззрений, предпочитая держаться иных материалистических взглядов.

Прежде всего надо заметить, что автор цитирует меня по трем источникам: „Психика и жизнь", „Общие основы рефлексологии" и „Коллективная рефлексология", признавая их равноценными источниками. Я бы не удивился, если бы он признал равноценными с двумя последними моими трудами мою „Об'ективную психологию", ибо с нее в сущности началось систематическое изложение нового учения, обозначенного мною позднее рефлексологией, но взять за основу моего мировоззрения сочинение „Психика и жизнь" (1904 г.), написанное более 20 лет тому назад, когда рефлексология еще и не выявилась, как цельное учение, и притом взять старое русское издание, когда имеется позднейшее, во многом исправленное и дополненное немецкое издание („Psyche & Leben") и еще более позднейшее

дополненное французское изд. („L'activité psychique et la vie") представляется совершенно недопустимым. О незнании здесь повидимому не может быть и речи, ибо об этих позднейших переводных изданиях, значительно дополненных, я упоминаю и в „Общих основах рефлексологии".

Автор мотивирует свое сопоставление „Психики и жизни" с „Об'ективной психологией" и „рефлексологией" моимн ссылками в последней на „Психику и жизнь", но само собою разумеется, что ссылки относятся к определенным местам сочинения, не утратившими своей ценности и в настоящее время и которые обойти молчанием я считал нецелесообразным.

Далее, сочинение „Психика и жизнь" было написано в ту эпоху, когда, благодаря господству витализма, не разсеялось еще воззрение о душе, как субстанции свойственной такому высшему существу, как человек, и когда в значительной мере господствовал даже в интеллигентской среде полный дуализм в смысле признания материи и духа. Об'единение психики и жизни с ее материальными процессами в одно неразрывное целое — вот основная цель сочинения, которое в этом смысле встречает поддержку даже в Антидюринге: „Одаренные чувствительностью растения, при малейшем прикосновении свертывающие свои листья или закрывающие свои цветы, растения насекомоядные, неужели все они не обладают ни малейшим правом на ощущения и не обладают также для этого задатком".

Второй целью книги было подвести общую энергетическую базу под процессы жизни и психики с целью устранения грубого механистического воззрения в смысле Бюхнера с одной стороны и не менее грубого ненаучного виталистического воззрения о существовании души с другой. Взамен того и другого выдвигается мною энергетизм в смысле физико-химического нервного процесса или нервного тока, стоящего по своей природе в соответствии с физико-химическими жизненными процессами

Что в этом отношении я стоял для того времени на верном и в то же время на новом пути, это доказывается тем, что ныне мы уже имеем ионную теорию нервного процесса и стоим на пороге выявления ионной теории жизненных процессов. Отсюда ясно, что основные положения, изложенные в сочинении „Психика и жизнь“ не утратили своего значения и в настоящее время, чем об'ясняются и ссылки на него в моих „Основах рефлексологии человека“. Но с другой стороны ясно должно быть и то, что, если бы сочинение „Психика и жизнь“ переиздавалось ныне порусски, то образцом для его переиздания должно было бы служить позднейшее французское издание, как содержащее дважды исправленный и дважды дополненный текст старой русской книги.

Вот почему я позволю себе счесть замечания автора, относящиеся к „Психике и жизни“, как не сверенные с позднейшими изданиями той же книги, утерявшими свое значение. К тому же в сущности кроме пережевывания на все лады спинозизма, дуализма и спиритуализма, против которых и выдвинуто мною понятие энергии в форме нервного тока с характером физико-химического процесса, ничего в критике автора в этом случае и не содержится *). А между тем вся современная физика строится на энергетической базе, которая проводится и в „Основах рефлексологии“

*) Замечу еще, что, если в упомянутом сочинении я и высказал мысль сходную со спинозизмом в смысле, физической энергии являющейся основой одновременно физического и психического процесса, то это вопреки мнению автора не противоречит марксизму Вот что мы читаем в книжке „Очередное извращение марксизма“ „о теории“ Енчмена на стр. 110 за подписью т Сарабьянова, „Плеханов же формулировал буквально по спинозовски (подчеркнуто мною): протяженность (иначе говоря физическое) и мышление есть две стороны одного и того же. Эта формулировка обладает удивительной простотой и ясностью“ (подчеркнуто мною) Если автор держится иного взгляда, пусть полемизирует с Плехановым и с его истолкователем Вл. Сарабьяновым

и которая, конечно, не имеет ничего общего ни с дуализмом, ни с спиритуализмом, ни с грубым механистическим воззрением, а лишь с материализмом в философском смысле. Указанием на это полагаю можно ограничиться в виде ответа на многословные теоретические по этому предмету рассуждения автора.

Перейдем поэтому в дальнейшем к другим возражениям автора по отношению к рефлексологии. На стр. 11 автор находит, что признание мною законосообразности, имеющейся во всех физико-биологических процессах, во всех проявлениях личности человека и его общества и притом в той же самой форме будто бы равносильно признанию качественной одинаковости всех трех мироз, тогда как они на самом деле не тождественны между собою, а только едины, „будучи качественно различными, имея каждый свои специфические отличительные черты".

То, что миры не тождественны между собою, об этом можно осведомлять быть может начинающих обучаться детей. Что же касается устанавливаемой мною одной общей закономерности во всех трех мирах, то она ни в какой мере не исключает качественного различия миров, проявляющегося в частных закономерностях присущих им явлений, хотя бы эти частные закономерности и явились дальнейшими выводами из тех же общих мировых законов. Принцип инерции везде один и тот же, будет ли он проявляться в сохранении раз принятого положения или движения физических тел или сохранения биологического вида путем наследственной передачи или в упорном сохранении народами обычаев старины и в общественной рутине. Также дело обстоит и с другими общими законами, напр. законом эволюции, взаимодействия, ритма, отбора, экономии и др.

Но разве эта общность основных принципов исключает качественное различие миров. Так одно и тоже тело, будучи в трех различных состояниях—твердом, жидком и газообразном, не проявляет ли общей для них

закономерности явлений в виде напр. принципа инерции, тяготения и пр., и в то же время разве устраняются вовсе качественные различия между ними частные закономерности в виде, напр., закона Мариотта, применимого к одному состоянию и неприменимого к другому состоянию—закономерности, вытекающие из тех же основных принципов и обусловливающие качественные особенности каждого из миров. С другой стороны разложение на ионы в растворах минералов и в тканях организмов подлежит одинаковым закономерностям, хотя результаты этого разложения будут совершенно различными.

Далее на стр. 14 автор меня упрекает в недостаточной глубине анализа, если я говорю, что дуализм продукт умственной культуры позднейшего времени. Ясно, что речь идет здесь о философском воззрении с характером дуализма. Если же говорить безотносительно к философии, то вряд ли можно согласиться с автором, что дуализм есть результат классовой борьбы эксплоататоров и эксплоатируемых. Можно говорить, правда, о том, что классовая борьба могла углубить и несомненно углубила дуализм, воспользовавшись им для своей цели. Но анимизм первобытных народов, существующий наряду с грубым материальным пониманием вещей, как можно об'яснить с точки зрения борьбы классов, когда и самих то классов на этой ступени еше не существовало.

Затем вопреки моему оппоненту (стр. 17) я все же должен признать, что понятие причинности в существе дела ненаучно. Правда, мы говорим постоянно о следствии и причине, но говорим в этом случае житейским языком, подобно тому, как астроном говорит о восхождении и захождении солнца, но при этом всякий понимает, что дело идет здесь не о движени солнца, а о движении земли. Также точно понятия „следствия“ или „причина“ должны быть расшифровываемы соответствующим образом, когда

вопрос ставится по существу. Иначе, ведь, всякое действие будет исходить из какой либо причины, а это из другой причины и так дойдем в конце концов до причины всех причин, до абсолюта или бога, как это и допускалось философами разных направлений и всех времен.

А вот и мнение известного английского физика проф. Эдингтона на этот счет: „Весьма вероятно, что мы здесь расходимся со многими из континентальных релятивистов, которые отводят большую роль принципу, называемому законом причинности. Да и самый принцип не является бесспорным: возможность или невозможность наблюдать данное явление зависит от случайных свойств нашей структуры и выходит так, что закон причинности как будто налагает наши собственные ограничения на зависимости между сущностями внешнего мира („Пространство, время и тяготение", 1923 г., стр. 156).

С этой точки зрения я считаю правильным говорить в „Коллективной рефлексологии" не о „законе причинности", а о законе зависимых отношений.

На стр. 18 Франкфурт спрашивает „почему же закон сохранения энергии применим, когда в основе психики лежит Бехтеревская (? вопрос мой) энергия, и не применим, когда в основе признать силу; какая разница между энергией и силой?" На это скажу, что разница между энергией и силой кажется настолько ясной, что не требует даже и ответа. А на стр. 19 тот же автор спрашивает: „Почему применение закона сохранения энергии к нематериальной энергии Бехтерева научно, а применение его к силе, которая по мнению материалистических монистов представляет собою одно из свойств материи, ненаучно. Не потому ли, что сила, как свойство материи, пугает Бехтерева своею материалистичностью, зависимостью от материи, а энергия превосходит ее тем, что она независима, первична и нематериальна, т. е. спиритуалистична?"—На это отвечу,

что о признании мной „спиритуалистичности“ энергии нигде, конечно, в моей книге нет и речи; что же касается нематерьяльности энергии, то надо заметить, что до сих пор в физике энергии назывались, как известно, физическими, а не материальными, а по наиболее распространенной теории энергия является в результате дематериализации физических тел.

Что нервная энергия не может быть независимой, первичной и пр., ясно уже из того, что она, как я доказываю, является результатом превращения других физических энергий (химической в виде пищевого материала, механической энергии в виде толчков, а затем света, как физического же явления, звука в виде колебания части воздуха и проч.).

Поэтому ни „независимости“, ни „первичности,“ ни „нематериальности“ в смысле Франкфурта, т. е. спиритуалистичности, конечно та нервная (или нервно-психическая) энергия, о которой я говорю (она же нервный ток) не представляет.

С другой стороны сила, как свойство материи, до сих пор остается физике неизвестной. Да и под силой в физике понимают, как известно, произведение массы на ускорение, поэтому говорить о силе, как свойстве материи, чистейшее заблуждение, чтобы не сказать более, да и самая постановка вопроса в таком виде в корне противоречит данным современной физики, являясь безусловно ненаучной.

Что же касается происхождения энергии путем дематериализации, то оно не является уже гипотезой, ибо доказывается воочию на опыте с радием и радиоактивными телами вообще. При этом однако нельзя смешивать применяемое здесь понятие дематериализации со спиритуализацией, ибо оно не устраняет физического существа энергии. Для раз'яснения вопроса о силе обратимся к физикам. Вернемся снова к сочинению А. Эдингтона (проф. астрономии и фиики в Кембридже): „Пространство, время и тяго-

тение“ (1923 г.) Посмотрим, как он определяет силу, составляет ли она одно из свойств материи: „первоначальное представление о силе связано с известными мускульными ощущениями, которые мы испытываем, когда делаем усилие, чтобы вызвать или не допустить движения какого-либо предмета. Как известно, в науке силу измеряют импульсом или количеством движения, которое она сообщает некоторому телу в данный промежуток времени (стр. 64). Таким образом, если придерживаться взглядов Франкфурта, сила—импульс, т.-е. активный фактор, есть свойство материи, тогда как же быть с тем, что до сих пор свойством материи признавалась ее косность.

Если бы автор отождествлял свое понятие силы с инерцией, как делают это некоторые физики, то можно было бы с ним на этот счет столковаться, но ничего подобного у Франкфурта мы не видим и потому нельзя понять, как можно применить к его силе, как свойству материи, закон сохранения энергии, как это делает Франкфурт.

Посмотрим затем пользуются ли физики понятием „нематериальной энергии?“.

Обратимся для этого к тому же источнику. На стр. 112 у Эдингтона читаем: „До сих пор всегда оказывалась, что масса и вес строго пропорциональны. Один очень важный опыт показал уже, что эта пропорциональность имеет место и в случае нематериальной энергии“. Этой нематериальной энергией оказывается в данном случае „радиоактивная энергия урана, повидимому электро-магнитной природы“. Ясно, что физики давно оперируют с „нематериальными“ энергиями, что очевидно Франкфурту осталось неизвестным, и тем не менее никто из физиков не признает напр. электромагнитную энергию—спиритуалистичной.

Автор должен был бы знать, что материя современной физикой вообще, а не Оствальдом только сводится к энергии.

Возьмем сочинение A. Kapff'a: „Grundzuge der Einstein'schen Relativitatstheorie", (2 Aufl. 1923 г.) на стр. 4 мы читаем: „Представление об эфире, как повсюду покоющемся и все проникающем веществе—пало. Материя и электромагнитная энергия оказываются идентичными". На стр. 103 того же сочинения мы находим следующие положения: „В действительности существует не только тесная связь между энергией и массой, но масса, материя сама является, как особая форма энергии". И несколькими строками ниже: „Изменение массы обусловливает изменение энергии и обратно: масса таким образом есть особая форма энергии" (подчеркнуто A. Kapff'ом).

Наконец ныне все больше и больше укрепляется в науке мнение, что мысль самым теснейшим образом связана с электромагнитной энергией. „Самый великий источник энергии по словам Арениуса—это человеческая мысль. Электромагнитные колебания, которые возникают в клеточках человеческого мозга—это величайшая сила, которая завладеет миром". (Из речи ак. Ферсмана 29/v 1922 г. на с'езде профсоюзов и совнархозов в Москве). Об этом же говорил и я в „Основах рефлексологии" на стр. 154: „Следует иметь при этом ввиду, что нервные клетки содержат в себе сложные химические вещества, содержащие огромное количество потенциальной энергии в связанной химической форме. Эти запасы энергии и расходуются при разложении этих сложных веществ". Наконец, так называемая передача мысли на расстоянии (а оно ныне уже не отвергается наукой) и по моим исследованиям *) и по позднейшим исследованиям акад. Лазарева **) может получить об'яснение только с принятием энер-

*) В. Бехтерев. О т. наз. мысленном внушении и пр. Вопросы изучения мозга. 1922 г. Zeitschrift f. Psychotherapie und medicinische Psychologie. Bo. VIII. Heft 5/6.

**) Ак. Лазарев.—Ионная теория возбуждения. Госиздат. 1923 г. стр. 129.

гетической точки зрения на работу мозга и совершенно необ'яснима с той точки зрения, за которую хватается Франкфурт.

Очевидно, что и сообразуясь с марксизмом, правильнее держаться энергетической (электрической или—вернее—электро-магнитной) теории материи, как и энергетической (электро-магнитной) теории нервного тока так, как говорит об этом и А. Тимирязев в статье „Опровергает ли современная электрическая теория материи—материализм". (Под знаменем Марксизма № 4 1922 г., стр. 73 и след.). Иначе говоря, энергетическое воззрение современной физики ничуть не противоречит материализму в философском понимании этого термина. „Нематериальная" электрическая энергия все же не перестает быть „физической" энергией, как все вообще энергии природы.

Что энергетическое воззрение, которого я держусь, имеет в виду физическую энергию видно, хотя бы из следующей выдержки „Основ рефлексологии" (стр. 72):

„Когда мы доводим свой анализ до конца, то мы должны признать одну основную и первичную основу всего сущего, которую мы обозначаем именем энергии. В понятии же энергии мы имеем представление о разных проявлениях движения в виде больших масс в форме мировых тел и в виде малых масс то более крупных в форме напр. индивидов, образованных клеточками, то еще более мелких, напр. молекул, атомов и электронов. Основу этого движения, которая должна быть общая всем явлениям природы и в том числе нам самим, как частице вселенной, мы и обозначаем именем „мировой энергии".

Что же касается нервного тока, то в „Основах рефлексологии" на стр. 152—153 я говорю следующее: „Dubois Reymond'у мы обязаны знанием того, что возбуждение нерва связано с электроотрицательным колебанием и с явлениями катэлектротона и анэлектротона. С этих пор одними авторами нервный процесс

стал рассматриваться, как физический, другими, как химический. Некоторые же данные заставляют нас признавать физико-химическую природу проведения" *).

На основании анализа всех данных я уже в цитированной работе пришел к выводу, что нервный ток есть процесс физико-химический в том смысле, что в клетках он является по преимуществу химическим, в нерве же, как проводнике—физическим, при чем и там, и здесь он сопутствуется развитием электроотрицательного колебания тока или тока действия. Между прочим в моей лаборатории было доказано, что и местное возбуждение мозговой коры под влиянием специфического раздражения воспринимающих органов характеризуется развитием в ней токов действия (д-р Ларионов в Обозрении психиатрии, д-р Тривус, Дисс. Спб.).

Сущность самого процесса сводится и ныне к электрохимической его природе, для выяснения которой в последнее время привлекается учение об осмосе, полупроницаемых перепонках и коллоидах.

Если мы примем во внимание, что в тех же „Основах рефлексологии" я твердо устанавливаю, что все „психические процессы суть мозговые процессы" (стр. 71) и что без мозгового процесса нет психического процесса, то кажется должен быть ясным вполне для всех и каждого мой материалистический и в то же время строго научный подход к предмету.

Энергетическое же воззрение (в смысле физического) по отношению к нашим высшим рефлексам (или т. наз. психике) весьма определенно выражено мною на стр. 63 того же труда: „Все научные данные говорят нам за то, что соотносительная деятельность в конце концов является результатом проявлений энергии, известной нам в наиболее простом виде в форме так наз. раздражительности протоплазмы, а в более сложных ее проявлениях в форме производного от нее же так

*) См. В. Бехтерев. Психика и жизнь. Спб.—Psyche und Leben. Wiesbaden.—L'activité psychique et la vie. Paris

наз. нервного тока, сопровождающегося в нервах и центральных органах отрицательным колебанием электрического тока". В другом месте (стр. 79) я говорю следующее: „мы признаем, как сказано, физическое и психическое, как целостное явление в одном процессе нервного тока, как энергии, пробегающей чрез высшие области нервной системы". Кажется яснее ясного и ни о каких „шатаниях" с моей стороны, о которых так распространяется Франкфурт, нет и речи. В других местах книги я говорю и о внешних источниках и мозговой энергии, возникающих в результате превращения в нее внешних воздействий окружающего мира.

Ясно, что с старым понятием вечной материи и ее свойствами и в особенности с понятием силы как свойством материи, в современной науке далеко не уедешь, ибо понятие материи в действительности поглощается понятием энергии и сама материя понимается, как связанная энергия. Таким образом как в основу мира кладется ныне энергетическая точка зрения, так и в основе учения о личности должна лежать энергетическая же точка зрения.

Если автор все же не убежден этими доводами пусть прочтет хотя бы недавно появившуюся книгу В. Я. Данилевского „Жизнь и солнце", Харьков 1923 г. в которой в доступной всем форме излагается кругооборот мертвой и живой материи. Для иллюстрации я воспроизведу здесь следующее место из этой книги (стр. 85): „итак развитие энергии (подчеркнуто автором) в виде движения и мозговой работы (или, вообще говоря, нервных процессов) является для животных и для человека самым характерным признаком, необходимым и для взаимодействия с внешним миром, без чего сама жизнь становится невозможною. Сначала эта энергия служит для развития известных ответов (рефлексов) на определенные внешние раздражения, а впоследствии и для произвольных действий".

„Если мы теперь вспомним, что вся эта энергия в конце концов происходит от солнца, посылающего свои лучи на землю, то станет понятною вся мудрость древней надписи на храме Дианы в Эфесе: „только солнце своим лучистым светом дает жизнь".

Если автор после всего сказанного все же будет настаивать на своем ненаучном воззрении, что „сила есть свойство материи" и, следовательно вместе с этим, переводя на мозговую работу, пришлось бы сказать, что „сила есть свойство материи мозга", то он этим докажет не только неправильное толкование предмета, но и поразительное упорство, подтверждающее всеобщность закона инерции или косности, в чем он как будто не был уверен, говоря о противоречии таких общих законов переходу количества в качество.

Когда я говорю о различии физического и психического и затем прихожу к монизму в энергетическом мировоззрении мой оппонент на стр. 16 меня упрекает в непоследовательности, что в самом предположении о различии физического и психического уже скрывается будто бы предположение о дуализме. Но я так резко и определенно высказался против дуализма („в конце концов мы здесь стоим на гранях оккультизма и точной науке нечего делать с этим учением"), что, казалось бы, не должно быть места для предположения найти в моих словах о несоизмеримости психических и физических явлений (о чем, кстати сказать, идет речь на всем протяжении позднейшей научной литературы) признание с моей стороны дуализма, как учения как раз мною и опровергаемого.

Эту несоизмеримость я, именно, и устраняю в энергетическом монизме, понимая энергию так, как понимают ее все физики, т.-е. в смысле физической энергии, точнее—в смысле движения, энергию же нервного тока в смысле ионного процесса, как атомно-молекулярного движения. Автор, очевидно, упускает из виду, что материя утрачивает свои основные свойства, превра-

щаясь в физическую энергию, а потому напр. электромагнитная энергия и не может быть материальной в научном понимании дела. Так материя радия, распадаясь, превращается в физическую энергию, т.-е. в лучи того или другого наименования и вместе с тем перестает быть материей.

Ясно, что материя, утратив свои основные качества перестает быть материей, превращаясь в физическую энергию. Это значит, что электроны, входящие в состав радия, вышли из тех соотношений, в которых они находились в его материальных атомах и, освободившись из связанного состояния, оказались в виде движущихся электронов энергии. В этом смысле и допустимо выражение, что физическая энергия, не переставая быть физической, является „нематериальной“ в отличне от таких видов энергии, где дело идет о движении самой материи, напр. движение частиц воздуха в звуковой энергии.

Надо заметить, что в настоящее время энергетизм, как физическое воззрение, явился в такой мере прочным достоянием науки, что он пропагандируется и в популярных журналах, включая и те, которые издаются Госиздатом и которые в уклоне от марксизма заподозрить было бы трудно. Для примера возьмем „Человек и природа“ № 4—5 1923 г., где Франкфурт может найти очерк проф. А. Е. Генкеля озаглавленный: „Материализм без материи“. Уже это заглавие говорит само за себя, указывая, что можно не бояться изгнания понятия о материи там, где ее действительно нет, а на место ее имеется „нематерильная“, но все же физическая энергия.

Из этого очерка возьмем для убедительности автора следующее место: за формулой В. Оствальда, отвергавшим материю и признавшим ее одним из множителей формулы энергии $= \frac{mv^2}{r}$ (m — масса, v — скорость), „пошли, по словам автора, как в пестром

калейдоскопе: герцовские волны, рентгеновские лучи, аргон, гелий, беккерелевские лучи, электроны, радий, превращение эманации в гелий и распад атомов и пр. и пр. Было от чего закружиться голове; но вместе с тем при всех ошеломляющих новостях остался незыблемым один закон: сохранение энергии и материи. Я сознательно говорю о д и н, а не два закона (как писал еще в 1897 г.), потому что О с т в а л ь д, отняв у нас, материалистов, материю, сделал нас еще б о́ л ь ш и м и (подчеркнуто мною) материалистами—он дал нам м о н и з м. Ведь у Бюхнера и его последователей как то невольно проскакивает дуализм, у него материя всегда противополагается силе".

Конечно, Франкфурт не подумал, что он становится настоящим дуалистом, когда заговорил о „материи" и о „силе", хотя бы в форме свойства материи. Но проследим дальше за вышеуказанным очерком: „и вот теперь мы материалисты остались без материи: Д е м о к р и т создал атомы, Дальтон атомы Демокрита превратил в молекулы, а те в свою очередь распадались у него на новые дальтоновские атомы." „Атомы на наших глазах распадаются на электроны, отрицательные электрические заряды, вращающиеся вокруг каких то таинственных, положительно заряженных центров тяготения, также чисто энергетической электрической природы. Материя следовательно, это — электричество и какая нибудь мумия, лежащая тысячу лет в пирамиде при всей своей неподвижности является ареной бешеной скачки атомов, электронов, центров тяготения и т. д., а мы глядим на нее тысячи лет и не замечаем в ней ничего кроме мертвого покоя".

„И мы не боимся, что за электронами будет найдено нечто новое*), как и за бактериями есть еще более мелкая жизнь... наоборот мы будем искать этих

*) См. интересную книгу Конобельского „Новое строение материи". Москва. Госиздат 1922 г.

новых расширений границ нашего мира, всего того, что мы позволяем пока называть себе старым (подчеркнуто мною) именем „материи".

Приведем еще мнение известного профессора физики О. Хвольсона: „Учение Бора и Розефорда о строении атома совершенно отрицает существование каких либо материй, как самодовлеющих основ всего, что нас окружает. Таких основ только две: отрицательные электроны и положительное электричество. Из них составлены атомы того, что мы называем материей. Все что нас окружает, все тела, весь доступный нашему наблюдению мир — все состоит из электричества — вот к какому мы приходим поразительному выводу" (О. Хвольсон. Физика и ее значение для человека).

Отсюда ясно, что понятие „материальный" и „физический" не одно и тоже, ибо можно и должно говорить о физическом явлении нематериального порядка. и не быть в противоречии ни с механистическим воззрением, ни в частности с марксизмом. И все вышесказанное не противоречит материалистическому воззрению в философском понимании этого слова, ибо материализм, как особая философская школа, утверждает лишь реальное существование вне нас находящегося бытия независимо от существования самого человека. „Материя есть философская категория для обозначения об'ективно вне нас существующего мира соответственно отображаемого нашими ощущениями, сознанием". (В. Ленин. „Материализм и эмпириокритицизм"). Ясно таким образом, что философы в противоположность идеализму могут называть воззрение о физическом, вообще и в частности физико-энергетическом бытии, находящемся вне нас и служащем источником воздействий на наши воспринимающие органы, материализмом.

Очевидно, что поскольку физико-энергетическое миропонимание считает физическую энергию об'ективно существующей вне нас, постолько это миропонимание соответствует материалистической теории по-

знания. Но и помимо того дело идет ведь в нашем случае о научной дисциплине, названной мною в свое время рефлексологией, а не о философии, которая все же должна строиться на научных фактах, а не наоборот, и это положение бесплодно было бы оспаривать ссылкой на какое либо имя, ибо оно является простою самоочевидностью. Но все же, если бы Франкфурт говорил нам о материи в философском смысле слова, тогда не было бы с ним моего расхождения, но он ведь против энергетического воззрения, об'единяющего вещество, энергию и мысль в чисто физическом монистическом понимании. Здесь нам уже не по пути, ибо закупоривать научную мысль в понятие силы, как свойство материи, а мысль понимать, как свойство мозговой материи, это значит попятиться по крайней мере на полстолетие взад. Вообще же говорить, что психическое, как и сила, есть простое свойство материи, как делает это мой оппонент, это значит нераскрывать тех скобок, которые под словом „свойство" могут быть подразумеваемы и которые ныне уже раскрываются наукой. Что количество переходит при известных условиях в качество—это и моя точка зрения, ибо об этом я определенно говорю в своем труде „Основы рефлексологии" (см. стр. 252) *), но в то же время ясно, что это качество „в возможности" (in potentia) так или иначе содержится уже в том количестве, которое путем осложнения может образовать качество. Это вытекает и из закона зависимых отношений который иными обозначается не совсем правильно законом причинности. Правда Франкфурт может сослаться в этом случае на В. Невского, в статье которого „Современное естествознание и материализм Энгельса и Маркса" („Под знаменем Марксизма" № 23 1923 г. стр. 135) тоже говорится о сознании, как о свойстве материи, но В. Невский может быть силен в марк-

*) Говорю, конечно, в рефлексологическом освещении.

сизме, опереться же на В. Невского, как на авторитет в данном вопросе естествознания, было бы, мне кажется, рискованным. Да и к критике В. Невского серьезного отношения иметь нельзя, судя по тому, что было им написано по поводу „Коллективной рефлексологии“ (№ 3. Под знаменем марксизма за 1922 г.). Так на одной и той же странице В. Невский заявляет, что с одной стороны ничего нет нового в законах, которые я предложил вниманию читателей „Коллективной рефлексологии“, что их можно встретить и у Гумпловича, и у де Греефа, и у Спенсера, и А. А. Богданова и в тоже время они будто бы м о и и д а ж е м н о ю в ы д у м а н н ы е, Бехтеревские. Тут есть все кроме последовательности и логики. А затем говорится, что эти законы, конечно, ничего не об‘ясняют.

Таким образом, по мнению автора и Дарвиновский закон отбора ничего не об‘ясняет и закон эволюции, доказанный тоже Дарвином ничего не об‘ясняет и закон зависимых отношений (или закон причинности по другим авторам) ничего не об‘ясняет. Но автор забыл самого себя, ибо сам сидит на своем возвышенном стуле, благодаря закону отбора, и что благодаря тому же отбору люди вступают в партии, считаясь же с законом эволюции, партия устанавливает свои особые задачи на каждый исторический период, что и революция протекает, подчиняясь эволюционному процессу, включая в него и скачки де Фриса, что в силу закона зависимых отношений К. Маркс установил зависимость развития обществ от условий производства и т. п. *).

В другом месте т. Невский заявляет, будто я о б ‘ я с н я ю образование отдельных государств Польши, Латвии и Украины, и приводит выдержку из моего сочинения, но эта выдержка говорит только о перемене

*) Автор, придавая значение отбору, не разделяет точки зрения социал-дарвинистов, делающих из него анти-социалистические выводы. В. Бехтерев. „Социальный отбор и его биологическое значение“. Nord und Süd. 1912.

„отношения русского общества, сменившего проявления патриотизма на безразличное отношение к войне“ и на отсутствие реакции в обществе при отторжении от России огромных областей. Поэтому приписывание мне „об'яснения“ образования окраинных государств уже не выдержка, взятая для доказательства положения,—а простая передержка. Стоит ли говорить после всего этого об остальном, что еще имеется в критическом произведении т. Невского.

Но возвратимся к Франкфурту. Последний, держащийся, вообще говоря, чужих взглядов, заявляет (стр. 21), что материализм будто бы утверждает не вечность тех или иных свойств в материи, а вечность материи, как таковой. Между тем утверждать такое положение со времени открытия радия это значит говорить против очевидности или совершенно отвергать учение об энергии, что равносильно устранению из обихода всей вообще физики.

Затем Франкфурт приписывает мне взгляд, будто я не признаю, что усложнения, накопляясь количественно, образуют новое качество. Раньше я уже заявил, что это неверно, но кроме сделанной уже ссылки на 252 стр. своего труда я обращусь к стр. 227 „Общих основ рефлексологии“, где я определенно говорю: „отсюда ясно, что в сложных сочетательных рефлексах имеется не количественная только сторона, но и качественная, столь характерная для всех вообще действий живых существ, как она характерна и для внутреннего мира человеческого существа“.

Уже отсюда очевидно, насколько справедливо утверждение автора, будто бы я считаю, что ничего нового в процессе развития не образуется, что все дело изначала и до поры до времени находится в скрытом потенциальном состоянии. Скажу прямо, что автор принимаясь за критику, не потрудился даже, как следует ознакомиться с моими рефлексологическими трудами,

Достаточно сослаться на изложение мною принципа эволюции в „Коллективной рефлексологии“ и в тех же „Основах рефлексологии“, чтобы убедиться в неверности заявления автора.

Само собою разумеется, что в корне неверно заявление автора, будто я утверждаю, что все дано изначала. Нигде ничего подобного, конечно, мной не утверждается, состояние же потенциальности всеми понимается, как возможность в процессе развития, а ничуть не существование изначала, как полагает автор. Если семя представляет в потенциальном состоянии возможность развития из него в будущем ростков, а оплодотворенное яйцо предполагает возможность развития из него в будущем живого организма, то спрашивается, кто будет понимать, что в первом случае изначала существует растение, а во втором случае также изначала существует сложный организм. Поэтому на вопрос автора „разве это не полнейшее отрицание процесса мирового развития, не полнейшая метафизика“ я отвечу ему вопросом же: „разве с его стороны это не полнейшее нежелание понять и вникнуть в предмет, о котором он берется рассуждать и разве стоит с ним вести дискуссию по этому предмету?“

Вообще скажу, что приписывание мне автором дуалистического воззрения после того, как на стр. 65 настоящего труда, говоря об учении Декарта и Лейбница, я заявляю, что „и то другое учение имеет ныне уже историческое значение“ или приписываемое автором (стр. 32) моим воззрениям отрицание возможности в природе скачков, когда я говорю в своей книге о теории де Фриса, этого основоположника учения о скачках в живой природе, (см. главу о принципе эволюции), отрицание переходов количества в качество, о чем уже речь была выше, перехода неорганической материи с одним свойством в органическую с другими свойствами или приписывание мне метафизики, чуждой принципа

эволюции, когда я признаю принцип эволюции общим мировым законом и пр., можно об'яснить только поразительно невнимательным, если не сказать более, отношением автора к моему труду. Достаточно раскрыть страницы из моей „Коллективной рефлексологии", относящиеся к закону эволюции или хотя бы относящиеся к тому же предмету стр. 249-252 моих „Основ рефлексологии", чтобы понять, что полемические приемы автора в этом, как и во многих других случаях, являются в действительности покушением с негодными средствами.

На все эти суждения замечу следующее: говорить, что психика одно из проявлений организованной материи (стр. 21) или что психика есть свойство материи или даже энергетическое проявление понимать, как свойство материи, это вполне похоже на Мольеровского героя, об'яснявшего снотворное действие опия усыпляющим его свойством.

Кроме того сказать, что психика есть свойство материи, равносильно признать для человека, что его психика есть свойство мозга. Это значит поддерживать тот уже давно отвергнутый наукой грубый Бюхнеровского типа материализм, который утверждал, что как печень выделяет желчь, так мозг производит мысль. Но кто может сомневаться, что формула Бюхнера, давно уже изжитая наукой, высказана все же более научным языком, нежели формула Франкфурта, ибо последняя в уподоблении с функцией печени должна бы быть обозначена следующим образом: как выделение желчи есть свойство печени, так производство мысли есть свойство мозга. Нечего говорить, что Бюхнер, как ученый и как физиолог, конечно, никогда бы не решился признать возможным понимание психики, как свойства мозга.

Чего казалось бы проще говорить — энергия есть свойство материи, жизнь есть свойство организованной материи, психика есть свойство мозговой материи.

Мысль была бы доведена до предела, упираясь в свойство, и, казалось, все тут было бы просто, только не было бы науки.

К тому же не уподобилось ли бы это наделение свойствами материи той метафизической философии Вольфа, который некогда наделил душу способностями (или что то же свойствами), т.-е. своего рода метафизическими сущностями и тем затормозил надолго развитие психологии и вместе с тем педагогики, ибо в действительности ни современная психология, ни наша педагогика до сих пор еще не отделалась от все об'ясняющих душевных способностей или свойств. Вместо способностей души условимся теперь в согласии с Франкфуртом говорить о свойствах нервных проводников или мозга. Вот и все, чего же лучше! Ясно, что в таком случае мы должны говорить о специфических свойствах зрительного, слухового, обонятельного, вкусового и других корковых аппаратов, т.-е. пришлось бы нам вернуться к давнему учению о специфических свойствах проводников, от чего наука, к счастью, уже давно освободилась, ибо в этом, т.-е. в предсуществующих свойствах дело идет не о науке, а о чистейшей метафизике.

Кстати замечу, что и К. Корнилов упрекает меня в отмежевании от материализма и именно потому, что я, считая материю производной энергией, признаю, согласно учению физиков, что энергия перестает быть материальной, о чем речь была уже выше. К сожалению по недосмотру в одном месте моего сочинения „Общие основы рефлексологии“ вкралась досадная описка а именно на стр. 71 в 4-й строке снизу набрано „материальной или физической“ вместо „материальной или механической“. Этой опиской восполь зовался К. Корнилов, заявив, что я „отмежевываюсь от материализма“ (К. Корнилов „Совр. психология и марксизм“ стр. 22). Однако насколько справедливо это положение видно из следующего: на той же самой 71 стр. я говорю: „одна энергия есть реальность“, „все психические

процессы суть мозговые процессы, в основе которых лежит движение нервного тока" на стр. 72 я говорю: „в миропонимании мы должны исходить из того, что дает нам опыт вообще, а этот опыт сводится к тому, что всякое явление и всякая вещь являются следствием предшествующих им явлений Наш суб'ективный мир, как и все процессы в нашем мозгу являются следствием внешних воздействий, исходящих извне. Поэтому мы не можем становиться на точку зрения гносеологического идеализма, в понятии же энергии мы имеем представление о разных проявлениях движения атомов, электронов и т. д.". „Мы довольствуемся определением энергии. как движения"; „мы можем говорить таким образом об энергии, как о движении, проникающем весь мир и представляющем свою особую форму в живой природе".

„Все материальные тела суть только местные скопления энергии и ничего более".

Кажется ясно, что ни о каком отмежевании от материализма не может быть и речи, поскольку энергетизм не есть спиритуализм. Но по К. Корнилову лозунг „нет материи, а есть энергия" чреват (будто бы) своими последствиями, толкая на умозрение; гораздо рациональнее с моей (К. Корнилова) точки зрения особенно при решении вопроса о сущности психических процессов было бы держаться иной формулы „нет энергии без материи", рассматривая психические процессы, как свойство материи".

Полагаю однако, что любой современный физик не согласится с положением „нет энергии без материи", если, конечно, держаться определения материи, как оно дано в физике, а не создавать свое особое философское. Психическое же, понимаемое как свойство материи, приводит и к панпсихизму и совершенно ограничивает всякое научное искание, как в свое время „жизненная сила", являвшаяся свойством живых организмов, об'ясняя все, сковывала всякое научное искание в выяснении меха-

низма жизненных процессов. О психике же, как свойстве материи, речь была уже выше, и нам нет надобности вновь останавливаться на этом вопросе. К. Корнилов выдергивает между прочим из моего сочинения еще особенно поражающую его фразу, что „рефлексология, вообще говоря, не исключает никакой вообще гипотезы о сознании и о душе вообще“ („Основы рефлексологии“, стр. 60). Я соглашусь, что эта фраза неудачна, но в моем контексте она обозначает, что рефлексология не занимается ни сознанием, ни душой, что она изучает только „соотносительную деятельность, как бы ее не понимать“, иначе говоря, предметом ее изучения является установление соотношения между внешними воздействиями из материального и социального мира и индивидом, на которого эти воздействия падают.

В заключение, последний вопрос, является ли рефлексология биологической наукой или социальной наукой, как полагает Франкфурт. Я не уверен в том, что этот вопрос имеет существенную важность, как вопрос чисто теоретический. Если я сближал рефлексологию с биологией, то именно потому, чтобы оттенить об'ективность или „биологичность“ ее метода, который ныне насквозь проник биологические знания, но еще далеко не проник в той мере, в какой это необходимо, в социологию. Если автор заявляет, что рефлексология, изучающая законы социально-классовой сочетательно-рефлекторной деятельности и социально-классовых установок, представляет собою науку социальную и только использовывает данные биологических и технических наук, но не сливается с ними, то я скажу: все это так, но это относится больше к „Коллективной рефлексологии“ *), ибо социально-экономические условия являются

*) Раскройте мою книгу „Коллективная рефлексология“ и на 2-ой стр. вы найдете: „не может подлежать сомнению, что человеческая личность есть продукт общественности, ибо без общества человек не был бы человеком“ и далее идет целый трактат на эту тему.

основными раздражителями социальных групп и в этом отношении марксизм должен вступить в союз с рефлексологией, а не с социальной психологией, говорящей об общественном сознании и общественных переживаниях, ибо одна рефлексология может не только углубить наши познания о коллективной деятельности, но и выяснить закономерность общественных явлений в смысле генетического развития новых производственных сил, новых форм труда и производственных отношений, а также дать рациональное об'яснение диалектическому развитию общественной жизни, являющемуся результатом новых социально-экономических условий, как раздражителей и, наконец, научно обосновать развитие классовых группировок с их взаимной борьбой. Но тем не менее личность, как таковая, в виду того филогенетического наследства, которое составляет ее неот'емлемую принадлежность имеет несомненно наряду с социальными приобретениями и биологический стержень, определяющий в значительной мере и направление ее общественных отношений, вырабатываемых в результате воздействий на нее социально-экономических условий, а потому я и признаю правильным, даваемое мною определение личности, как био-социальной особи. (См. Колл. рефлексологию вместо предисловия). Отсюда должно быть понятным, что рефлексология одной ногой уходит в биологию, а другой в социологию, а потому должна в сущности быть самостоятельной научной дисциплиной, установляющей изучение личности на основе биологических и социальных знаний и несливающейся полностью ни с биологией, ни с социологией.

Несмотря на неудачную критику моих энергетических воззрений, с моей точки зрения недостаточно понятых автором, я могу считать в общем удовлетворенным его заключением, в котором он, отцеживая неприемлемые им „общефилософские" мои взгляды, признает „основной ценный научный остов, здоровое зерно материа-

листического учения о человеческой психике (о человеческой личности надлежало бы сказать) с богатым фактическим материалом биологического и социологического характера".

„Если подойти к этому материалу методами марксистского анализа, чего Бехтерев не может сделать *) и не делает, но что он дает возможность делать, (не Франкфурту ли?), то учение его может принести большую пользу в смысле марксистского определения рефлексов, реакций человека" **).

Прочтя это заключение я немного удивился, что в предисловии к книге Франкфурта К. Корнилов, оценивая, положительные стороны рефлексологии, имеющей по его словам „дело с изучением реальных форм взаимоотношения живого существа с окружающей средой, что научно строже, теоретически конкретнее, и практически нужнее, нежели эта так наз. „эмпирическая психология с присущим ей умозрением и схоластикой" относит к недостаткам ее „неограниченный биологизм", зиждущийся на естественно-научном материализме.

Как в самом деле странно? Ю. Франкфурт готов обвинить меня чуть ли не в спиритуализме, а проф. К. Корнилов мою рефлексологию обвиняет в неограниченном биологизме и в естественно-научном материализме. По словам К. Корнилова все еще говорят о лелеемой и неизжитой со времени Сеченова мысли—исчерпать человеческое поведение одной физиологией нервной системы, совершенно, неучтя социального момента. А отсутствие этой социальной установки приводит рефлексологию и к другому не менее существенному дефекту—игнорированию и недооценке психических процессов, как таковых ***).

*) Не боги горшки обжигают—Франкфурт.

**) В выдержке подчеркивание сделано мною.

***) Подчеркнуто мною

Выходит так, что, когда в рефлексологии я касаюсь психических процессов, представляющих другую сторону нервных или мозговых процессов, то со стороны Ю. Франкфурта это вызывает упрек в суб'ективизме, а К. Корнилов обвиняет рефлексологию в игнорировании и недооценке психических процессов, как таковых, иначе говоря, суб'ективных процессов или переживаний или сознания, что именно и является предметом изучения эмпирической психологии.

Нечто аналогичное тому, что высказано К. Корниловым ранее насчет „признания не только реальности, но и значимости психических процессов, как таковых" и насчет „недооценки суб'ективных процессов" и насчет „признания значимости за методом самонаблюдения" и многое другое в том же роде говорится в статье его, помещенной в сборнике „Психология и Марксизм" 1925. На этой его статье, как повторяющей его прежние взгляды, мы таким образом останавливаться не будем. Заметим только, что о словесном отчете говорит и рефлексология, но рассматривает его не с целью расшифровки суб'ективных переживаний, а как об'ективное данное явление в целях сопоставления его с другими данными поведения. Кроме того К. Корнилов почему то „двустороннее слитое неразрывно воедино изучение поведения человека называет реактологическим изучением, поскольку само понятие реакции в отличие от рефлекса включает в себя обе эти стороны". Но кто сказал, что рефлекс не включает в себя обеих сторон, о которых идет речь, и с другой стороны кто доказал, что реакция в отличие от рефлекса всегда имеет обе стороны. Так напр. реакция мышцы на механическое раздражение или на ток имеет ли обе стороны? и с другой стороны рефлекс не только сложный подкорковый, но даже простой коленный обязательно ли лишен другой, т. е. суб'ективной стороны? Я по крайней мере на себе ее всегда отмечаю. Вот почему реакцию противополагать рефлексу и обратно рефлекс реакции ни-

как нельзя. Реакция есть лишь понятие более широкое (мы говорим напр. химическая реакция, физическая реакция и пр.) по сравнению с рефлексом и мне в рефлексологии нередко приходится пользоваться одинаково и тем и другим термином.

К. Корнилов, стремящийся к марксизму, таким образом еще не отрешился от „суб'ективной" психологии, подобно своему учителю проф. Г. Челпанову, ибо ведь и проф. Челпанов в новой своей брошюре утверждает, что эмпирическая т. е. суб'ективная психология не противоречит, а, следовательно, может быть привлечена к марксизму. Таким образом К. Корнилову еще нужна наука о „психических процессах, как таковых", нужен еще анализ явлений „сознания", т.-е. настоящая суб'ективная психология, но конечно, не прежняя психология, а с учетом социального момента и вообще окружающей среды *).

Правда К. Корнилов в статье „Психология и Марксизм проф. Челпанова" в том же сборнике (стр. 24) старается всемерно отвести проф. Челпанова от Маркса, заявляя мимоходом, что учение о рефлексах Павлова и Бехтерева неизмеримо ближе к марксизму по своим тенденциям (разр. моя), нежели „мозг и душа" проф. Челпанова, но сам то Челпанов никак не хочет свою эмпирическую психологию отводить от Маркса, а как раз и доказывает, правильно или неправильно это другой вопрос, что его эмпирическая психология и есть настоящая марксистская психология и в своей брошюре „Психология и Марксизм" становится на защиту марксизма от неправильного истолкования идеологии марксизма в ее отношении к психологии (Психология и Марксизм—1924), и даже вошел по этому предмету с особой „докладной запиской" в Главнауку. Очевидно в лагере суб'ективистов с марксизмом или

*) Проф. К. Н. Корнилов. Современная психология и марксизм. Гос. изд. Ленинград, 1924 г. стр. 75

вернее новых марксистов от суб'ективной психологии что то не ладно.

Нет надобности говорить, что рефлексология учитывает социальный элемент, рассматривая, как мы говорили выше, личность как „био-социальное" существо и дело социологов использовать ее, как они считали бы для себя соответственным. Но согласовать науку о „психических" процессах, как таковых, или суб'ективную психологию с об'ективным учением Маркса, это может дать в результате только мало жизнеспособный „гибрид", о чем так красноречиво высказался один из ораторов на бывшем с'езде в Ленинграде. Ибо, несмотря ни на какие искусственные подпорки со стороны марксизма, суб'ективизм в изучении человеческой личности всегда может делать вылазки как в сторону мистицизма с его мировым сознанием, так и в сторону метафизики с ее ноуменизмом. Этого конечно, не сделает уважаемый проф. К. Корнилов, но найдутся другие, которые, следуя марксисткой „психологии", как науке о сознании и суб'ективных процессах, с'умеют найти выход для более широкого полета суб'ективизма в сторону от Маркса.

О других оппонентах рефлексологии не стоило бы и говорить, ибо они, усвоив свою суб'ективную точку зрения, не ставят себе в труд даже ближе ознакомиться с моей книжкой по рефлексологии, а ограничиваются только одним заголовком. Так Л. Выготский „заглянув в оглавление книги акад. В. М. Бехтерева" „Общие основы рефлексологии человека" находит здесь разные принципы, „одним словом мировые, всеоб'емлющие принципы, охватывающие не только поведения животного и человека, но и все мировое целое. И при этом ни одного психологического закона поведения, который формулировал бы найденную связь или зависимость явлений, характерное – своеобразие человеческого поведения в отличие от поведения животного". Автор видимо не ознакомился с содержанием того или другого

принципа, который и выявляет закономерность соответствующих явлений поведения человека, добытых путем опыта и наблюдения под рефлексологическим углом зрения, и совершенно неуяснил себе, что это то вдвигание человеческой личности в мировое целое или в мозговой процесс и есть истинный материализм с одной стороны и столь же истинный детерминизм с другой, неисключающий однако и влияние человека, как носителя запасной энергии, на социальную жизнь.

Для характеристики другого оппонента рефлексологии З. Чучмаморева (тот же сборник стр. 199) достаточно привести следующее место из его работы, чтобы уяснить его точку зрения (стр. 218). „При разборе рефлексологии мы уже подчеркивали известный факт, что нормальное животное при встрече с непривычным для него явлением будет реагировать на него своим внешним приспособительным аппаратом. Собака впервые поставленная в исследовательский станок бьется до тех пор, пока она „не поймет", что ей не угрожает никакая опасность; кошка в силу своего прошлого опыта менее склонна доверяться неожиданной обстановке, и потому, она является менее подходящим материалом для опытов" и т. д. Это видимо интерпретация известных опытов Павлова, но такая интерпретация, которая говорит сама о себе в смысле крайнего суб'ективизма и которая давно выброшена наукой за борт.

Гораздо правильнее в этом отношении оценка рефлексологии со стороны проф. А. Залкинда: „В наш век, когда перепугавшаяся на смерть буржуазия, говорит он в своей „Вступительной статье" к брошюре Ю. Франкфурта, тянет вспять естественные науки, пытаясь в них защитить свою суб'ективистически-метафизическую установку, — учение о рефлексах играет колоссальную революцинную роль. В рефлексологии — такой, какой она дана в современном физиологическом эксперименте, мы получаем богатейший экспериментальный материал, под который ни витализму, ни психо-

физическому дуализму не подкопаться. Все попытки идеалистически истолковывать рефлексологию целиком об'ясняются суб'ективизированной логикой их авторов— без малейшей в том вины со стороны рефлексологического материала, данного нам безукоризненно чистым об'ективным экспериментом. Тем меньше повинна рефлексология в нелепых потугах потопить в ней социологию, что с чрезвычайной смелостью проделывается сейчас хотя-бы Енчменом" *).

Автор затем, конкретизируя, перечисляет, какие ценности заключает в себе рефлексология:

1) „Рефлексология в основе отвергает самонаблюдение (прибегая к последнему лишь по периферии, а не в центре своей работы), всемерно пользуясь об'ективным подходом к психическому процессу".

2) „В учении о рефлексах содержится чистейшей воды психофизиологический монизм, при котором психологическая терминология и психологические понятия действительно впервые становятся научно совсем ненужными. В движениях, рефлексах организма нет разделения „психические" и „соматические" процессы; все рефлексы в одинаковой мере являются активными действиями организма в борьбе за жизнь и представляют собою единое „поведение" организма в этой борьбе. Мысль, чувства, движения кишек, сжатие руки в кулак равносущны. Нет психических или соматических рефлексов—существует лишь общая система боевых действий организма, общая рефлекторная установка его в окружающей среде. Вся рефлекторная жизнь организма и „психическая" и „соматическая" ничто иное, как последовательные боевые изменения его единой целевой рефлекторной установки, ряд нападений и отражений, ряд притягиваний и отталкиваний".

3) Ценнейшим для нас обстоятельством в учении о рефлексах оказывается моторизм в подходе его

*) 1. „Теория новой биологии и марксизм" 2. „18 тезисов".

к пониманию психического процесса, динамизм — глубоко действенный, „деловитый“ уклон психизма,— уклон, сводящий в учении о рефлексах, всю так наз. психическую жизнь, даже интимнейшую и сложнейшую ее часть — „интеллект“, „воображение“, „подсознание“ и пр. не к созерцанию, а к делу, действию, движению, поступку и поведению. Так высшие психические процессы—„мысль“, „сознание“—во внешних ее проявлениях для об'ективиста рефлексолога в основе своей представляются заторможенной речью, всякий психический акт это- движение, действие, „ассоциация“ действуют путем отбора, оттеснения, перемещения и т. д. и т. д. Это помимо теоретической ценности открывает гигантские возможности практического использования психологии, что нашему исчерпывающе-практическому миросозерцанию (марксизму) нужнее всего.

4) Наконец для диалектического материализма учение о рефлексах—и пока только оно дает ценнейший арсенал, открывающий богатейший простор диалектическому подходу к психофизиологическим процессам. Фиксируя всю физиологию т. е. и психофизиологию на двух моментах: древних глубоко укоренившихся сочетаниях опыта (безусловные рефлексы) и наиболее крупных новых молодых биологических навыков (условные рефлексы)) учение о рефлексах открывает вполне свободное поле для применения нашей исторической, социальной диалектики к явлению антропо-биологического порядка. Текучесть, изменчивость, противоречие, революционные реконструировки социальной среды полностью выявляют себя и в человеческой психофизиологии, окрашиваются ею в тона определенно исторической эпохи, определенного класса, откуда возникает и совершенно новая

) По нашей терминологии безусловные рефлексы суть обыкновенные или прирожденные рефлексы, а условные суть сочетательные или высшие, иначе- приобретенные рефлексы.

дисциплина: классовая психофизиология, классовая рефлексология, ни мало не претендующая на „взрыв“ социологии (по стопам Энчмена), а лишь пытающаяся монистически связать понятие о классовом сознании с „биологическим окружением“ этого сознания. Биологическая психология человека превращается в социофизиологию, в которой отдельный организм как в биологических, так и в психических его проявлениях неотделим от общества, класса, не мало не изменяя в тоже время законы общественной жизни, сформулированные ортодоксальным марксизмом.

Тем самым с социорефлексологической точки зрения можно и должно радикально пересмотреть всю современную психофизиологию, физио- и психо-патологию, педологию и пр., что и проделывается сейчас диалектически и материалистически мыслящими работниками практической биологии“.

Такова оценка рефлексологии в устах проф. А. Залкинда.

Она сплошь положительная и не только без указаний на „игнорирование и недооценку психических процессов, как таковых“, но наоборот с подчеркиванием особой ценности в ней об'ективного подхода в изучении предмета, ценности устранения суб'ективной терминологии из научного обихода, а также ценности психофизиологического монизма и в тоже время моторизма и динамизма, сводящего всю даже интимнейшую сложную часть личности к делу, действию, движению, поступку, „поведению“ и наконец возможности использовывания „социальной диалектики“ к явлеиям антропобиологического порядка.

Достойна внимания и заключительная фраза А. Залкинда: „как видим, материалистической биологии, об'ективному методу и марксистской социологии по пути“.

Приведем здесь же в выдержках и важнейшие постановления (резолюции) 2-го Ленингр. С'езда по

психо-неврологии, которые не удовлетворяют, конечно, таких суб'ективистов психологов, как проф. Басов, но которые говорят решительно в пользу того, что бывший с'езд, собравший до тысячи членов, решительно склонился в сторону строго об'ективного изучения личности.

„Необходимо ввести в СССР преподавание науки о поведении животных и человека в об'ективном их изучении, основным содержанием каковой науки должно явиться выяснение внутренних (биологических, физико-химических) и внешних — физических и социальных факторов, определяющих развитие личности и ее поведение".

„Изучение педологии должно производиться методами биологии и научной социологии. Особо важным при этом является метод генетической рефлексологии".

Ясно, что постановления с'езда выявились не в пользу суб'ективной психологии, хотя бы и так называемой „марксисткой" с ее суб'ективизмом в понимании структуры человеческой личности (теперь ведь нет психолога, который не хотел бы укрыться за флагом марксизма, чтобы удержать суб'ективистическую точку зрения), а наоборот они решительно наклонили чашку весов в пользу рефлексологии, как об'ективной научной дисциплины, рассматривающей личность с биосоциальной точки зрения.

В заключение еще раз обратимся к проф. Залкинду и приведем его отношение к рефлексологии в его другой статье: „Рефлексология и современность" *): Он начинает свою статью следующими словами: „На долю России выпала завидная участь—быть колыбелью и первой рассадницей рефлексологии, этого наиболее глубокого современного физиологического учения, создающего неисчерпаемые перспективы для действительно материалистического подхода к организму во всех его

*) См. Новое в области рефлексологии и физиологии нервной системы, вып. I, стр. 5. 1925 г.

проявлениях. У нас же впервые проделан и углублен опыт переноса рефлексологических опытов с животных на человека... Учение о рефлексах, правильно, без философских искажений, понятое и последовательно использованное,—не только ликвидирует в дальнейшем наши споры о дуализме „души“ и „тела“, но и даст нам в руки ценнейшие средства к воспитанию и перевоспитанию человека...“.

После всего сказаного да позволено будет спросить, нужно ли нам пересоздавать вновь нашу старую суб'ективную психологию, приспособляя ее к марксизму, и гоняясь в то же время за суб'ективизмом в смысле оценки „психических процессов, как таковых“ или же нам нужно поддерживать и развивать рефлексологию,—это строго об'ективное построение учения о человеческой личности, как био-социального явления, развитие которого стоит в связи с законами как генетики, так и социологии. В ответе, кажется, не может быть двух мнений.

Необходимо однако оговориться. Когда трактуют у нас о рефлексологии, то обыкновенно смешивают или об'единяют два направления 1. строго физиологическое, которое осуществляется в лаборатории проф. И. Павлова и которое, будучи разрабатываемо главным образом на животных, само обозначает себя „физиологиею мозговой коры“ или „физиологиею высшей нервной деятельности“ и 2. разрабатываемое в моей лаборатории учение о личности, как био-социального существа, названное мною рефлексологией человека и изучающее все реакции человеческой личности, как обусловленные ее природными или наследственными качествами (конституция, антропологический тип, темперамент, большая или меньшая одаренность, прирожденные или унаследованные рефлексы, наклонности и т. п.), так и обусловленные окружающей ее социальной и физической средой, при чем эти реакции изучаются всегда и неот'емлемо в связи с вызывающими их теку-

щими и прошлыми, внутренними и внешними раздражителями, из которых последние исходят главнейшим образом из окружающего человека социального мира.

Оба направления несомненно стремятся к одной и той же цели—выяснить законы и условия высшей нервной деятельности и реакций головного мозга на те или иные раздражители, но поскольку человек есть социальное животное и притом животное высшего порядка, постолько рефлексология человека должна ставить себе задачу выяснить особо важную роль социального фактора в развитии человеческой личности. Отсюда следует, что рефлексологическое учение, будучи насквозь материалистическим учением, устраняющим в корне никому ненужный и в сущности недоступный для сторонней личности анализ сознания, переходящий обычно в идеализм, опирается взамен того на анализ внешних рефлексов или реакций, включая прирожденные рефлексы, т. наз. инстинкты, приобретенные навыки поведения, а также словесные и мимические рефлексы, стоящие в связи с внешними, особенно социальными, и внутреннимй или органическими воздействиями, как в настоящем, так и в прошлом. Иначе говоря, мы должны стремиться и подходим уже к созданию строго об'ективного знания, рассматривающего человека с био-социальной точки зрения, которое в тоже время сделается родоначальником с одной стороны генетической, с другой коллективной, классовой и профессиональной рефлексологии.

Нечего говорить, что больная личность должна быть также предметом строго об'ективного изучения под наименованием патологической рефлексологии, начало которой было положено уже моим трудом „Основы Психиатрии" как об'ективной науки. Рус. Врач 1910 и др. моими трудами (см. перечень моих работ в этой области в „Общих основах рефлексологии") и трудами моих учеников, и которое ныне начинает разрабатываться у нас в СССР и другими авторами.

Об'ективное знание должно вытекать из об'ективных предпосылок и с другой стороны об'ективные предпосылки должны создавать и об'ективное знание, а не наоборот. Иначе ведь и наша старая знакомка „суб'ективная психология", а от таковой, как мы видели, в некоторой степени не отрешаются и вновь обращенные в марксизм психологи, тоже имеет склонность признавать себя точной наукой. Нехудо в пример привести здесь к сведению читателя полностью 10-й и последний тезис проф. Г. Челпанова (Психология и Марксизм. Москва, 1924 г., стр. 29): „Психология есть марксистская наука par excellence, психология по Марксу ближе к общественным наукам, чем к биологии. Если же нужно говорить об отношении психологии к биологии, то под этой последней нужно понимать не биологию просто, а психо-биологию. Марксистская психология не имеет никакого отношения к физиологии, а потому величайший абсурд—думать, что изучение условных рефлексов по методу Павлова—есть подлинная марксистская психология".

Все это достаточно поучительно, ибо делает вполне очевидным, как легко нашей старой знакомке—„суб'ективной психологии"—перекраситься в марксизм, а между тем точному знанию от этого становится ничуть не легче.

Как бы то ни было, необходимое нам везде и всюду знание о личности человека, выйдя на верную дорогу в смысле строго об'ективного изучения предмета, прокладывает себе путь, как всегда, постепенно, но зато идет верным шагом вперед, устраняя встречающиеся на пути затруднения и препятствия. Нет надобности говорить, что самый предмет, т.-е. человеческая личность, в об'ективном изучении далеко еще не охвачена с желательной полнотой, и это потому очевидно, что здесь приходилось перерабатывать все заново, начиная с самого метода и даже новой терминологии и, добывая новые научные факты, шаг за шагом,

делая на основании их подход к другим неразработанным еще вопросам. И тем не менее новый путь исследования личности, разрабатываемый в сущности пока еще относительно небольшим числом лиц (сравнительно покрайней мере с психологами, которых ведь бесчисленное множество) заставил сильно всполошиться весь лагерь суб'ективистов и говорить о „кризисе современной психологии", о необходимости „коренной переработки всего ее лица", причем даже „упорствующих" в суб'ективизме (а имя их легион) заставил отводить рефлексологии то или другое место, пусть даже скромное, но все же в самой психологии, которая до сих пор изучала человека только в отношении его суб'ективных переживаний, не помышляя совершенно изучать человека непосредственно в его разнообразных реакциях или рефлексах на те или иные внешние раздражители, а следовательно в его деятельности и в труде.

В доказательство мы приведем слова защитника суб'ективизма в психологии проф. Г. Челпанова, который, так заканчивает свою новую брошюру „Об'ективная психология в России и Америке" (Москва 1925): „Поэтому нужно признать совершенно необоснованным (? вопрос мой) внесение в область рефлексологии всех тех процессов, которые представляют собою больше, чем просто образование привычных движений. Если так, то ясно—рефлексология занимает очень скромное место в обширной области психологии. Она есть психофизиология (подчеркнуто Ч—вым) привычных движений. В качестве таковой, если она и может выступать в виде отдельной дисциплины, то во всяком случае без права (? вопрос мой) расширять свое содержание. Тогда она перестает быть дисциплиной, могущей претендовать на замещение (подчеркнуто Ч—вым) целой психологии. Для этого она слишком ограничена в своем содержании".

И за то спасибо! Замечу лишь, что как то странно звучит „отдельная дисциплина" но без права расширять

свое содержание. Спрашивается, какие до сих пор существовали дисциплины без прав на расширение своего содержания. Но суть все же не в этом, а вот в чем.

В результате обсуждения роли рефлексологии получается одна странность. Если рефлексология есть психо-физиология привычных движений, то спрашивается, откуда же происходят привычные движения? Очевидно из непривычных — назовем их инициативными. Какая же будет по существу разница между привычными и инициативными движениями? Та, что первые суть повторные, а вторые возникающие впервые. Казалось бы, что те и другие разнятся не по существу, а лишь от большей или меньшей упражняемости, а если это так, то, очевидно, из'имать вторые, т.-е. инициативные движения из ведения рефлексологии нет основания—тем более, что рефлексология ставит основой своего изучения учет раздражителей и реакций в их взаимных соотношениях. Но иначе рассуждает психолог-суб'ективист. Он признает, что импульсы к движению должны исходить непременно из недр суб'ективного мира. Здесь то мы и встречаемся с „дебрями суб'ективизма" (скажут— криминальное выражение, но что же делать, когда оно так и есть), ибо возникновение импульсов есть уже по Г. Челпанову неот'емлемая область психологии, которая никак не может отрешиться ни от „воли" в действиях, ни от „озарения" в творчестве. Но все же как то не вяжется с логикой признавать, что возникшее впервые и повторно возникающее движение настолько радикально различны друг от друга, что, уяснив себе обе'ктивным методом генезис последнего, мы будто бы никак не можем подойти с тем же методом к генезису первого. И это вот почему (см. стр. 32 того же сочинения): „Когда рефлексологи утверждают, что они изучают только об'ективную (подчеркнуто Ч-вым) сторону процесса, то это может быть справедливо только лишь по отношению к простейшим рефлексам. Если же рефлексологи утверждают, что они то же делают при

всех рефлексах, в том числе и волевых движениях, которые они считают тоже рефлексами, то это последнее утверждение нужно считать решительно неправильным. Если и признать, что волевые движения могут быть подведены под схему рефлекса, тем не менее назвать их просто рефлексами нельзя по той причине, что в них есть внутренняя сторона, которая имеет весьма существенное значение для характеристики самого процесса".

Ясно теперь, в чем суть дела. „Волевые движения, хотя и могут быть подводимы под схему рефлекса но тем не менее нельзя назвать их просто рефлексами (да они ведь и не называются никем просто рефлексами, а рефлексами высшими или сочетательными), ибо „существенное значение" здесь имеет будто бы внутренняя сторона. Но если рефлексолог воспроизводит в опыте лабораторным путем „волевое" оборонительное или „волевое" наступательное движение со всеми внешними особенностями „волевых" движений, то это для психолога ничто, ему не говорят внутренние раздражители, напр. голодное состояние и отыскивание пищи, сексуальное раздражение от гормонизма половых желез приводящее к отыскиванию полового об'екта и т. п., ему важна не об'ективная, а та внутренняя сторона, которая скрывает за собой нечто неосязаемое и недосягаемое, называемое „волей", что представляет нечто от метафизики или по крайней мере граничит с ней Словом без „воли" обойтись нельзя, в этом вся суть.

Но все же рефлексология не может признать за суб'ективной психологией и того, что признает за рефлексологией психология. Рефлексология не может вовсе мириться с старой суб'ективной психологией, а если и уделяет суб'ективным процессам, неотделимым от процессов мозга, место, то не в смысле старой психологии пользующейся интроспекцией, а только как восполнение об'ективных данных в поведении словесными реакциями. В результате мы будем иметь рефлексологию человека, как науку о поведении, пополненном

словесными знаками и иными, напр. мимико-соматическими реакциями, а не прежнюю психологию. Охотникам же до суб'ективизма будет предоставлено самонаблюдение осуществлять на себе самом (ибо посредственное самонаблюдение на других не может иметь места), а самообманы в самонаблюдении придется исправлять об'ективными методами, которыми пользуется рефлексология.

Как однако не прямолинейно заявление рефлексологии в этом смысле она не боится нападок суб'ективистов. Она будет скромно развивать свое дело, собирая для своих положений все новые и новые факты, пролагая себе путь в недра мозгового механизма, регулирующего деятельность человека на основе развития сочетательных рефлексов и сосредоточения, как доминантного процесса. Гарантией тому служит между прочим то, что она уже перекинулась из Советской России на крайний Запад в Америку, где мысль не так скована старыми традициями и в особенности она не обеспложена остатками метафизических учений. Г. Челпанов сам делает указания в своей брошюре, что бехевиоризм человека, т. е. об'ективная наука о поведении человека в Америке началась с 1913 г., т. е. в тот период, когда у нас уже прочно пустила корни рефлексология человеческой личности.

Поэтому же поводу мы читаем в обзорной статье П. Сорокина „Состояние психологии в Америке за последние годы (с 1914—1918 г.г.)", в „Вопросах изучения и воспитания личности" №№ 4—5, 1922 г. стр. 594 следующие строки: „Несмотря на свою недолгую историю об'ективизм в психологии не только занял место равноправное с суб'ективной психологией, но сейчас обнаруживает уже явную тенденцию вытеснить последнюю, оставив ей лишь небольшой уголок для пользования методами интроспекции. Начало этого течения у нас. Оно было заложено И. П. Павловым и В. М. Бехтеревым. Американцы перевезли

„русское растение“ об'ективизма на свою почву, не скрывая заимствования, окрестили его именем bechaviorism'a, поставили на широкую ногу и в течение немногих лет достигли немалых успехов. Сейчас здесь bechaviorism т. е. наука о поведении животных и человека процветает. Утвердив без особого труда свое право на бытие, bechaviorism теперь переходит в наступление и не без успеха завоевывает у суб'ективной психологии одну позицию за другой“.

Она и завоевывает и не только у нас и в Америке, но и в Европе. Порукой тому является тот интерес, который уже начинает проявляться к рефлексологии человека и в Германии, (где устраиваются уже рефлексологические лаборатории, напр. в Берлине в клинике проф. Черни и в Тюбингене), и в Саксонии при докладе по рефлексологии на бывшем международном психологическом конгрессе проф. Шнеерсоном, вышедшим из моей школы, и в Вене (проф. Паппенгейм), и в Париже (проф. Тулуз) и наконец в Голландии, где еще в 1907 г. мне пришлось делать обширный доклад по об'ективной психологии в рефлексологическом направлении на международном с'езде по психиатрии и экспериментальной психологии. Наконец и в Англии видимо рефлексологическое исследование личности человека не осталось бесследным, судя по тем словам, которые посвящены этому предмету в статье I. W. Mackail'я „Дары русского народа миру“ (1915), где говорится буквально следующее: по философии Россия не обосновала больших школ и не дала таких великих имен, как Кант и Гегель, Локк и Юм... в психологии же изыскания Бехтерева получили широкое распространение“.

Можно определенно сказать, что это победоносное шествие об'ективного метода в изучении человеческой личности, как био-социального явления, на этом не остановится и займет в течение нескольких ближайших лет то положение, которое рефлексология по самой своей сути должна занять среди других об'ективных наук.

К позднейшим по времени авторам, ломающим копья за суб'ективную психологию, относится Ю. В. Португалов с его полемической статьей „Как исследовать детскую психику?", вышедшей под фирмой Самарского губернского отдела здравоохранения уже после набора нашей брошюры, вследствие чего мы не можем на ней остановиться более подробно. Эта статья, подвергает сомнению и данные анатомии мозга, и данные физиологии мозга, дабы тем самым подорвать и дискредитировать биологическую основу наших знаний о высших проявлениях человеческой личности и все это конечно для вящей славы суб'ективной психологии. Нечего говорить, что в той же статье автор критикует все и вся, относящееся к об'ективному или рефлексологическому изучению человека и животных. В его статье кроме моих работ подвергаются резкой критике труды Павлова, Корнилова, Иванова-Смоленского, Ленца, Щелованова, М. Басова, Фролова и др.

При этом автор, как водится, пользуется всеми способами, делая выдержки из сочинений разных рефлексологов без связи с контекстом, из которого они заимствованы, старается всемерно дискредитировать их достижения по отношению к познанию человеческой личности и, не опровергая в сущности ни одного из фактов, добытых рефлексологическим экспериментом, цепляется в своих умозрениях относительно исследований детской психики за „осторожную" аналогию с самим исследователем.

Однако его полемика не дает читателю ни единого намека на решение вопроса о том, что значит „осторожная" аналогия со своим „я", каковы пределы этой „осторожности" и в какой мере Португалов, подходя с „осторожной" аналогией со своим „я" к выяснению психики новорожденного младенца, идиота, дементика или кататоника, не говоря о нисших существах, в состоянии нам раскрыть недра этой психики. Одно ясно, что центральная детская амбулатория при Самарском гу-

бернском отделе здравоохранения принимает всецело под свою защиту старую, как мир, и уже отмирающую в наши дни суб'ективную психологию с ее пресловутой аналогией, в данном случае детской психики с „Я" взрослого человека, вооруженного опытом и знаниями.

В конце концов, после длинного ряда страниц, наполненных сумбуром разнообразных суждений, автор признает, что исследование психической жизни ребенка, равно как и взрослого человека, неминуемо должно вращаться в рамках эмпирической психологии. Для общего познания ребенка необходимы приемы описательной психологии, для изучения интимных процессов его психической жизни нельзя обойтись без наблюдения, которое посредством осторожной аналогии должно быть проведено и чрез интроспекцию. и конечно чрез ретроспекцию. Для отыскания связи и запутанных соотношений психических феноменов необходима аналитическая психология. Дабы получить психический облик ребенка небходима индивидуальная психология. Непосредственное наблюдение должно постоянно воспособляться приемами экспериментальной психологии. Весь добытый материал, поскольку исследователь зорко следил при собирании его за максимумом осторожности, является материалом об'ективным, хотя бы и относящимся к переживаниям определенного суб'екта. При учете внешнего поведения ребенка должны обязательно приниматься внутренние стимулы и мотивы, которые без психоанализа в широком смысле этого слова не мыслимы. Словом „психология, психология и психология" „интроспекция", „ретроспекция", „осторожная аналогия" и „об'ективный материал" составляемый из суб'ективных „переживаний определенного суб'екта" *). (Последнее напоминает что-то вроде белил из сажи).

*) Как здесь, так и всюду ниже, разбивка соответствует косому шрифту автора.

И все это относится к ребенку у которого обязательно принимать во внимание внутренние „стимулы и мотивы", само собой рузумеется опять же чисто психологическим, т.-е. интроспективным путем при посредстве аналогии с самим собой, т.-е. человеком взрослым, интеллигентным и образованным.

Всего замечательнее однако то, что автор несколько лет тому назад, когда соприкоснулся с рефлексологией в период занятий в моей клинике, был столь же ярым противником суб'ективной психологии и не менее стойким защитником рефлексологии. К сожалении в разбираемой работе автор (намеренно или ненамеренно—судить не мне) укрыл от читателя, в этом отношении по истине чудоподобное сальтомортале, нигде не оговорив и даже не упомянув о своей столь же полемической статье, напечатанной в „Вестнике психологии" за 1911 г. под заглавием „Суб'ективная и об'ективная психология". Чтобы показать как легко мыслительный флюгер автора поворачивается в ту и другую сторону, приведем здесь дословный текст самого автора из упомянутой статьи с некоторыми куйгорами.

Говоря о недоверии, с которым было встречено в специально-психологических кругах появление моей „Об'ективной психологи" автор замечает:

„И устранение самонаблюдения, и как бы чрезмерно-открытое превращение психологии в физиологию, и какое то быстрое опустошение необ'ятного мира высочайших психических переживаний с оставлением лишь одной психо-рефлексологии *) —все это настраивало нас, как и многих других читателей, враждебно по отношению к возникающей молодой отрасли знания, все это как то инстинктивно востановляло против нее, не взирая на то, что обоснрвателем ее является ученый с всемирным

*) Психо-рефлексология — это мое первоначальное обозначение мною разрабатываемой дисциплины, которое позднее я заменил более простым обозначением „рефлексология".

авторитетом, ученый известный своей крайней осторожностью в научных вопросах.

Было обидно и больно за грандиозное здание суб'ективной психологии, столь эффектно изукрашенное тончайшей и художественной работой мастеров старой школы. Являлось сожаление, что это величавое и красивое здание должно зашататься и пасть под медленными, но твердыми ударами новой об'ективной психологии или психо-рефлексологии.

И в то же время с неизбежной последовательностью становилось ясным, что подкладкою всех этих враждебных настроений и предубеждений против учения Бехтерева является эмоциональная сторона психики.

Освобождаясь постепенно от этого эмоционального влияния и опираясь на логическую сторону дела приходишь неизбежно к заключению, что в сущности истина лежит на стороне учения В. М. Бехтерева, что с точки зрения требований науки об'ективная психология еще неоформленная, сырая и неупорядоченная оставляет все же далеко за собою эффектную и грандиозную старую суб'ективную психологию.

Поэтому-то становится ясным, что все наши враждебные чувства, все наши недоверия и предубеждения не имеют под собою достаточно прочной логической основы и в значительной мере об'ясняются влиянием старо-психологической традиции.

Причины, по которым об'ективную психологию встречают и будут еще встречать враждебно, заключаются, помимо всего прочего, во первых, в смешении об'ектов и методов науки с об'ектами и методами искусства, а во вторых, в совершенно особой и изолированной позиции, на которой стоит в ряду других наук психология, при чем издавна мы привыкли с легкой руки старых авторов окружать эту отрасль знания какой-то мистической оболочкой.

Посвящая анализу этих двух положений настоящую статью, мы выражаем уверенность, что чем рельефнее

и ярче будет дифференцирована в сознании психологов область психологии, как, науки, от области психологии, как искусства, тем определеннее и явственнее обнаружится истинная пограничная линия между суб'ективной и об'ективной психологией, причем первая сольется с художественной психологией, а вторая, как единственно научная, займет подобающее место в сфере положительного знания".

Посмотрим теперь, как автор в той же статье говорит о суб'ективной психологии.

„Мир индивидуальных переживаний не проницаем для чужого сознания. Для других сочеловеков об'ективными могут быть лишь высказывания, а отнюдь не переживания какого-либо „я".

„Итак что же может здесь делать научная психология? Она может лишь тогда пользоваться этим психическим материалом, когда исследователем является само лицо подлежащее исследованию. Суб'ективный психолог должен изучать лишь то, что он сам придумывает, сам чувствует, желает. Мост к изучению переживаний других „я" может быть переброшен лишь путем аналогии—орудия неточного и далеко не об'ективного".

„Итак суб'ективная психология должна сочетать в лице исследуемом лицо исследующее. Такого странного положения не занимает ни одна наука". „Только сам самонаблюдающий суб'ект может быть свидетелем своих психических переживаний; остальные должны верить ему на слово и дополнять все это воображением, каковое у всех различно. Таким образом суб'ективная психология в отношении изучения психических содержаний лишена главного и существенного элемента науки—об'ективного критерия и возможности непосредственного наблюдения для всех".

„Примиряясь с этим в сущности непримиримым недостатком, суб'ективная психология старается исчер-

пать все, что только возможно, путем самонаблюдения. Лишенная возможности доказать наглядно и понятно для всех все то, что переживается внутри „я", суб'ективная психология старается взять глубиною и проникновенностью анализа. Все ее надежды при этом возлагаются на интроспекцию. Интроспективный метод—это душа суб'ективной психологии. И, действительно, интроспекция бездонна по своей глубине, беспредельна по своей аналитической энергии, заманчива по изощренности и красочности живописания испытанных психических состояний. Признавая все эти ее достоинства, мы все же не видим второго существенного признака науки, а именно точности и определенности. Интроспекция не может быть точной по самому свойству своей методологической натуры".

„Психический материал, подлежащий исследованию, преходящий во времени, а поэтому, вследствие неразложимости психики человека в данный момент, этот материал не может наблюдаться в обособленной чистоте: если психический процесс мы не наблюдаем, то он протекает в чистоте и тогда не подлежит изучению in statu nascendi; но если мы намеренно следим за ним, то чистота уже нарушается: получается примесь в виде самонаблюдения, которое его осложняет и видоизменяет. Это второй, по истине безвыходный тупик суб'ективной психологии: быть научно-об'ективным психологом при посредстве метода самонаблюдения так же трудно, как рисовать самого себя в момент рисования".

„Третьим недостатком суб'ективной психологии является невозможность пространственных определений психических продуктов. Суб'ективисты - психологи сами прекрасно понимают силу этого недостатка".

„Четвертым недостатком интроспективного метода является постоянная необходимость привлечения воспоминания „ни один душевный процесс (сознаваемый, как таковой) не попадает в наше настоящее целиком; в каждый настоящий момент мы переживаем только его

отдельные звенья, имея предшествующие звенья лишь в воспоминании; последующие лишь в ожидании." „Большую часть нашей психической жизни мы имеем, как данное воспоминаний" *). „А так как память бывает разной силы, то и воспроизведения пережитых процессов являются неполными и не всегда точными".

„Наша память очень много пропускает в пережитой нами действительности... Она нередко положительным образом искажает наше прошлое..." **).

„Пятым недостатком метода самонаблюдения является искажающая роль внимания и рефлексии".

„Как шестой недостаток метода самонаблюдения выступает отсутствие наглядности и удобозримости во многих психических фактах".

„Вследствие всех этих недостатков в результате получается седьмой столь существенный недостаток суб'ективной психологии, что она совершенно лишается права называться наукой, а именно: невозможность применения к нашему самонаблюдению строгой научной индукции с экспериментальными методами".

„К нашему самонаблюдению невозможно применение строгой научной индукции с экспериментальными методами, при установлении связей и последовательностей между явлениями. Строгий эксперимент вообще для самонаблюдения недоступен. В нашем душевном мире нельзя вызвать явлений по произволу или даже если мы этого в отдельных случаях достигаем, никогда нельзя быть уверенным в том, что все обстоятельства опыта нам известны" **).

Что же собственно остается в суб'ективной психологии характерного для науки, когда сами сторон-

---

*) Проф. Л. М. Лопатин. Курс психологии Москва. 1903. стр. 30.

**) Лопатин Loco cit. Стр. 32.

**) Лопатин. Loco cit. стр. 5.

ники ее не оставляют в ней буквально камня на камне и признают полнейшую ее ненаучность? ..

„Успех суб'ективной психологии среди интеллигенции и вообще в публике лежит в захватывающем интересе предмета, столь жизненного и привлекательного, что ради него прощаются научные промахи. Наша восторженность пред тонкостью психологов есть результат преклонения пред угадыванием чего либо в сфере неточного".

„Суб'ективная психология, какие бы научные формы она не принимала, все же весьма близка к искусству и по праву может быть названа художественной психологией Большинство руководств по психологии представляет собою смесь художественной и научной психологии".

„Стремясь дать тончайший анализ жизни представлений, эмоций, аффектов, психологи невольно отдаляются от научной точности и переходят в область художественной психологии; стремясь к научному обоснованию, к точности, к математическим выводам, они теряют в своей интроспективной колоритности и проникновенности и приближаются к типу сухих ученых, весьма похожих на физиологов".

„Следовательно совместительство это вряд ли нужно: психологии, как науке, следует очищаться от суб'ективных и произвольных примесей; суб'ективной же психологии никто не мешает развиваться, утончаться и сливаться с искусством или по крайней мере с художественно аналитической публицистикой—критикой".

„В этом случае ей предстоит тоже широкое поле деятельности, ибо интроспективный анализ не имеет пределов: он безбрежен и неограничен; он неразрывно связан с догадками, любопытными гипотезами, более или менее хитроумными и тонкими предположениями; некоторые психологи-суб'ективисты могут достигать этапов гениальности в сфере самоанализа и интуиции; но эта гениальность скорее артистическая, чем свой-

6682

ственная научному гению. Два гениальнейших психолога путем тончайшего и глубочайшего анализа по методу интроспективному могут дать диаметрально противоположные картины одного и того же психического процесса, наблюдаемого при абсолютно тождественных условиях, в виду того, что творческий аппарат и способность к самосозерцанию у каждого из них от природы может быть различны; подобного результата не может произойти при об'ективном исследовании нервно-психической деятельности человека, ибо такое исследование предполагает шествовать таким путем и обнаруживать такие отношения, которые должны быть очевидны по своей обязательной приемлемости для каждого постороннего наблюдателя".

„Может быть, необычайно эффектны и картинны психологические характеристики Лабрюйера, может быть замечательно глубоки и величавы dissectiones animi Бэкона, но при всем почтении к великому уму последнего вряд ли можно признавать эти работы за научные".

„Из изложенного лишь проистекает, что суб'ективная психология со своими гадательными методами исследования бесполезна для точной науки, что точная позитивная наука с ее строжайшим контролем каждого мельчайшего факта не может полагаться на даты суб ективной психологии".

Более убийственного приговора над суб'ективной психологией, кажется, не было и нет во всей научной литературе. Не так ли, читатель?.

